

Золотой Лазисман

Щагачъ в огне

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Золотой Талисман

Гай Орловский
Цитадель в огне

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Цитадель в огне / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Золотой Талисман)

ISBN 978-5-699-98027-7

Семнадцать Хранителей Талисмана: эльфы, люди, гоблины, тролли и прочие, у каждого по осколку. Объединенная мощь позволяет сносить горы, создавать реки, возводить крепости, дворцы и города... И только одно условие: такое должны пожелать все Хранители! Но как это сделать, когда почти все расы не только враждуют, но иные и воюют?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98027-7

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гай Юлий Орловский
Марго Генер
Цитадель в огне

© Орловский Г.Ю., Генер М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Часть первая

Глава 1

Все молча смотрели на вздымающуюся Цитадель, огромную и надменно-величественную в рассветных лучах. Изумление и восторг медленно угасали на лицах; наконец Виллейн, самый быстрый и несдержанный, сказал в раздражении:

– Все хорошо, только что за умники решили подправить мне мою башню?.. Я не то задумывал!..

Рядом с Виллейном мощно заворчал Тарнат, молодой и могучий телом гном, обычно рассудительный и неторопливый, но сейчас, похоже, готов с ходу поддержать сварливого мелкинда.

Их обоих опередил Лотер, такой же взъерошенный, как и Виллейн:

– Мне нужен простой лесок с землянкой, а здесь что?

– А для меня создали дерево красивое, – сказала Каонэль серебристым и все еще счастливым голосом, но только по-звериному чуткий Лотер, ворг-оборотень, уловил в нем растущее разочарование серой эльфийки: – Очень красивое... но это же гигантская сосна... Как на ней жить? Как будто гоблины мастерили кому-то назло...

Гнур посмотрел на нее исподлобья, сказал зло:

– С ума сошла?.. Я творил прекрасный мир, а не это болото!.. Почему решили, что если гoblin, то ему болото? Я не огр!

Все невольно напряглись, когда за их спинами неподвижный Булук шелохнулся, прорычал так мощно, словно низко в тучах прогрехотал гром:

– Где болото, где болото?.. Топкая грязь, а не восхитительно прекрасное место с изумительно ровной и спокойной водой... чтоб все в широких мясистых листьях с нежными цветами кувшинок, где застыли в божественном раздумье царственно важные жабы... ага, жабы, толстые и надменные в своем несравненном величии и непознанной собравшимися здесь дикарями монументальной красоте...

Все промолчали, огр никогда не говорил так вычурно и длинно, что значит: и он донельзя разочарован. Поднялся Теонард, но едва успел развернуться к Хранителям Талисмана, как резко и сильно подул холодный северный ветер.

Замелькали снежинки, Тарнат громко и по-гноми крепко выругался, в родных подземельях гномов такого непотребства не бывает, а вслед за снегом над головами взвилась колючая и секущая лица ледяная крупа, взметнулся искрящийся смерч, но тут же опустился к поверхности земли и замер на миг шагах в пяти от Хранителей Талисмана.

Все щурились и закрывались ладонями от секущей лица льдистой крошки, только каменному троллю нипочем, а из смерча степенно шагнул рослый старик с черной бородой до пояса, такой же черный плащ красиво ниспадает к земле, а голову прикрывает широкополая шляпа с высокой и остроконечной тульей.

Он совершенно не обращал внимания на лютый смерч и даже не качнулся на не постариковски крепких ногах человека, привыкшего к дальним дорогам.

Смерч нехотя исчез, послушно и как-то странно втянувшись в землю под ногами чародея.

Виллейн завистливо вздохнул, для него магия и есть то высшее, для чего стоит жить, а прибывший окинул острым взглядом их лица, покосился на вздымающуюся Цитадель.

– Ах вот оно что...

Теонард сказал с укором:

– Получилось не совсем то, что желали!

– Получилось то, – возразил чародей, – что желали. Но нельзя желать всем вместе и вразной. Вон ваша эльфийка чуть не плачет, вы же прекрасность дерева понимаете иначе, чем она? У каждого свое представление о красоте? А делали для нее.

– Но что теперь? – спросил Лотер, он вздохнул, звериная шерсть на загривке начала опускаться, а волчьи клыки втянулись и спрятались за губами. – Пусть так и остается?

Чародей сказал назидательно:

– Самое главное, вы все убедились, что Талисман наполнен исполинской мощью! И уже подчиняется вам, когда ваши желания совпадают. Неплохо для начала. Чего не радуетесь?

Он подошел ко всей группе, на ходу как бы опирался на резной посох с крупным камнем в набалдашнике, хотя, как все заметили, ступает уверенно и твердо, а посох при нем, он же боевая палица, всего лишь признак высокого статуса и уважаемой профессии. Кристалл в набалдашнике переливается белым матовым светом, а на гладкой поверхности отражается небо, чистое и безмятежное.

Лотер смотрел на него исподлобья, такой же высокий, как и чародей, с черными волосами, даже глаза угольно-черные, из-за чего всегда выглядит настороженным и опасным.

– Ладно-ладно, – рыкнул он, – магия Талисмана работает! Мощная, все поют... Хотя получилось не то и не так. Но как переделать, чтобы не вляпаться в то же самое снова?

– Или хуже, – сказала Каонэль сердито.

Чародей повел перед собой дланью, воздух моментально потемнел и сгустился. Из потемневшего облачка выпало добротное кресло и крепко уперлось четырьмя растопыренными ножками в землю.

Он неспешно сел, расправил странно черный плащ, на котором проступают и быстро гаснут звезды. Все молча смотрели на человека, который так резко изменил их жизни, а он с вялым интересом человека, живущего уже сотни лет, скользнул взглядом по их напряженным лицам.

– Давайте думать, – предложил он, но в голосе прозвучало сомнение, что эти простейшие существа могут думать – а то и мыслить. – Вы убедились, что даже искреннего желания недостаточно, чтобы сразу вот так легко создать нечто важное и нужное.

– Почему? – спросила Каонэль печально. – Мы создали легко... Ну, в сравнении с тем, через что прошли. Вспомнить страшно... Селина, а тебе?

Ихтионка прижалась к ней, маленькая и печальная, вертикальное веко часто заморгало, она пискнула тоненьким голоском:

– Я думала, уже все...

– Вы создали, – напомнил чародей, – и проявили силу Талисмана! Это много. Правда, создали не совсем то, что хотели все. Создавали, не советуясь с другими и не учитывая их особенности и желания. Желтоглазка, ты таким хотела свое дерево?

Каонэль подумала, сказала резко:

– Это потому, что дерево создавали вместе со мной и гном, что ничего не видит, кроме своих пещер, и болотный огр, и даже тролль, для которого деревья просто какие-то мешающие ему кусты?

– Вот-вот, – подтвердил чародей. – Потому получилось то, что получилось. Да ладно, чего такие лица? Всегда можете переиграть.

– Как? – спросила Каонэль с подозрением. – Чтобы снова не испортить все и все-все?

– Вы теперь Хранители Талисмана, – напомнил он торжественно и с некоторой странной печалью в голосе. – Вместе – исполинская мощь!.. Но только если желаете все чего-то одного. Вместе. Как вот пожелали Цитадель. Но вы можете ее разрушить... и воссоздать новую.

Лотер прорычал зло, но с тоскливой волчьей ноткой:

– И снова мордой о то же дерево?

– Вот-вот, – сказал чародей. – Нужно, чтобы ваши желания совпадали. Скажем, если хотите сотворить камень, то все должны пожелать одинаковый, как по размеру, цвету, так и породе.

Лотер буркнул:

– Ну да, огр сотворит с гору, а мелкинд с козий орешек.

Виллейн обидчиво вскинулся:

– Ты чего? Возжелал в морду?

– За своей смотри, – ответил Лотер с ехидцей. – Вон Булук уже присматривается.

Мелкинд торопливо оглянулся на исполинского огра, но тот внимательно слушает волшебника, никого больше не замечая. Стоит, скрестив руки на груди, живот вывален, несчастный кушак натянут и впивается в бока, но огра, похоже, это мало беспокоит. Он тихо сопит, под кожей плавно перекачиваются валики жира, что на самом деле не жир, а особые мышцы, которые помогают переваривать еду. Время от времени слышно утробное урчание и бульканье.

– Предлагаю сделать так, – сказал чародей, – чтобы всем было удобно, чтобы все желания учтены...

Страг сидит в сторонке, покручивая монету между пальцев, но когда подал голос, сильный и уверенный голос воина, все оглянулись в его сторону:

– А как это сделать, если желаю, чтобы все эльфы сдохли?

Чародей покачал головой.

– Желания своих удобств...

– А мне издохлость эльфов, – произнес Страг зло, – для удобств нужно!

Чародей выпрямился в кресле, как сделал бы это король, а то и вовсе император, голос прозвучал подобно грому:

– Глупцы! У вас Талисман необыкновенной мощи!.. Можете прямо сейчас творить великое, но увязаете в спорах и древних обидах? Встряхнитесь!.. Учтите желания других, а они учтут ваши!.. И постройте прекрасный мир... какого никогда не было раньше. Разве я не привел вас всех к обладанию могущественным Талисманом?.. Теперь сделайте так, чтобы он служил вам с пользой!

– Легко сказать, – проворчал Гнур, – но когда вокруг одни дураки и злобные уроды, как тут собрались вокруг меня, призванного править миром...

Его зеленое лицо в складках и наростах искривилось в презрительной гримасе, а зеленая лапа поднялась к макушке и погладила безукоризненный ярко-красный гребень из жестких, как конских хвост, волос.

– Мордожаб, – произнесла Канозель чистым, как горный ручеек, голосом, – если с тобой договориться трудно, то оставайся в одиночестве. А мы тут...

– Это ты в одиночестве, – сказал гоблин поспешно, – мы же здесь почти все умные. А ты не просто дура, такие тут все, кроме меня, но ты особенная... однако ради спасения мира готов принять тебя в слуги и не слишком сильно бить, хотя, конечно, бить придется часто... Красивые все наглые.

– За красивую спасибо, – сказала она милостиво и сложила руки под грудью так крепко, что корсет заскрипел. – А наглости во мне совсем нет, хотя с нею жилось бы легче.

Чародей оглядел всех, вздохнул, лицо чуточку омрачилось.

– Можете сесть, – сказал он милостиво. – Я пришел взглянуть на Цитадель, но, похоже, придется затевать длинную и скучную дискуссию насчет того, какой ей быть. Это глупо и непродуктивно, но если не обойтись, то что ж... Так что садитесь... а кто сидеть не может, тому разрешаю лечь.

Лотер проворчал:

– Ишь, разрешает... Тарнат, молот у тебя при себе? Шарахни его в темя разок...

– С удовольствием, – заверил гном, – но попозже, когда узнаем, что задумал еще гадкого. Не верю я людям.

– Я тоже, – ответил Лотер. Он кивнул на Теонарда. – Кстати, Цитадель именно человек испакостил. Это он заорал: «Построить Цитадель!» И что получилось?

Лицо Теонарда осталось спокойным, зато Страг почему-то нахмурился, словно это его обвинили во всех грехах мирских. Он убрал монетку в карман и угрожающе наклонил голову. Ворг, заметив перемену, выпустил левый клык на полмизинца, но остался в человеческом облике.

Чародей вскинул руки.

– Тихо-тихо!.. Теонард принял на свои плечи тяжесть важного решения, даже если сам этого не сообразил. Люди такие, часто берут на свои плечи заботу о всем мире, только вот заботиться не умеют. Но Цитадель все-таки выстроена вашими совместными усилиями. Он же понятия не имел, что кому надо! Разве что в общем виде: эльфийке дерево, гному пещеры, ихтионке колодец, а огру грязь...

– Кому грязь, – взревел Булук, – кому грязь? Я тебя самого сейчас в грязь!.. И всех вас, мерзавцев...

– Но-но, – прогрехотало сверху.

Каменный тролль поставил возле чародея огромный валун, ковырнул в нем пару раз пальцем с алмазным ногтем, ихтионка не успела вспикнуть, как мощные лапы нежно ухватили ее и усадили в такое удобное, оказывается, кресло.

– Ой, – пропищала она счастливо, – спасибо, милый тролль... Я все еще не знаю, как тебя зовут?

– Грагрх, – прогрехотал он.

– Спасибо, Грагрх, – вскрикнула она. – Прекрасное имя. Тебе идет, ты красивый.

– Р-р-рад, – громыхнул он и уже просто высыпал из огромных ладоней грудку крупных камней прямо перед чародеем.

Все расселись, обычно тугодумный и неповоротливый Булук сказал первым:

– Но ты же видишь, как меня обидели? Оскорбили с головы до ног, да и там грязь!

Чародей не повел и бровью, хотя все тут же загалдели, у каждого свой ущерб, продолжил так же отечески и покровительственно:

– С Талисманом все просто и непросто. Если, к примеру, вам восхочется снести вон ту гору, то достаточно всем подумать, что горы больше нет. И она исчезнет. Понятно, да?.. Потому что исчезнуть – это для всех именно исчезнуть. А вот построить...

– Да, – подтвердил Тарнат тяжеловесно, – ломать не строить. А строить умеем только мы, гномы. Обращайтесь, я вам такую Цитадель забабахая!.. Даже под землей, для вашей безопасности... Возьму недорого, вашими осколками.

Его проигнорировали, а чародей сказал степенно:

– Чтобы построить, нужно не только захотеть построить, но и хорошо представить то, что строите. А это непросто, у всех вас свое представление, гм... о прекрасном. Потому сперва точное планирование, как это ни скучно. Давайте, чтобы сократить время ненужных споров, я предложу свой вариант.

Лотер буркнул с неохотой:

– Предложи, но это не значит, что тут же согласимся. Я человекам не очень-то верю. Я вообще никому не верю, даже своим воргам.

– Конечно, – согласился чародей, – конечно-конечно!.. Итак, у всех в мечтах свои резиденции, где хотите жить. Человек в замке, огр в болоте... Булук, не перебивай, это для примера!.. Эльфийка в лесу, Грагрх среди камней, ихтионка... Понятно, да?.. Ваши жилища

вообще лучше расположить по кругу, а в центре на равном расстоянии от всех, чтобы никому не обидно, – зал заседаний, где будете собираться, спорить, бить друг другу лица, морды и хари, драть шерсть, кусаться и царапаться, что так естественно в дискуссиях на высшем уровне.

Глава 2

Он остановился, глядя, как все нахмурились, нет ли здесь подвоха, чародеям нельзя верить, а этот вообще какой-то всегда себе на уме. Эльфийка дергает ушами, выдавая нервозность. Страг снова достал монетку и крутит между пальцев, иногда, как бы невзначай, показывая опустевшую ладонь, а потом вытаскивает денежку откуда-то из воздуха. Гоблин вообще поднял голову и делает вид, что рассматривает вон то крошечное облачко, но пальцы время от времени касаются рукояти крашара.

Наконец Виллейн проговорил с недоверием:

– Может, сам скажешь, на чем задумал надуть?

– Не скажу, – ответил чародей бодро. – Головы для думанья, а не только есть и кусаться.

Поработайте ими.

Все замолчали, чародей ехидничает, но думать в самом деле приходится, не прогадать бы, здесь все такие, сожрут и косточки не выплюнут.

Селина помалкивала, Грагрх сделал ей уютное местечко, остальные сидят на выпуклых камнях, даже Каонэль присела, легкая, как мотылек, рядом Лотер в наброшенном на широкие плечи плаще, что не скрывает рельефную мускулатуру выпуклой груди, черные и сильно свалившиеся в скитаниях волосы падают на плечи, заставляя его выглядеть еще злее и опаснее, остальные тоже поглядывают один на другого с подозрением.

Теонард поднялся, оглядел всех, повернулся к чародею.

– Мы так ни до чего не договоримся. У меня есть предложение!

Гнур буркнул:

– Говори, хотя от человека трудно услышать что-то умное.

– Да, – согласился Теонард, – но умничать другие просто не решаются. Я предлагаю не пытаться пересоздать Цитадель так, как мы создали ее сперва, вы же видите, что получилось?.. Давайте попробуем создавать для каждого жилище отдельно.

– Почему? – спросил Гнур с подозрением. – В чем хочешь обмануть?

– Очень просто, – ответил Теонард. – Все страшимся продешевить. Особенно в сравнении с соседом. Потому я готов стать среди вас самым бедным и с самым худшим жильем. В том смысле, что сперва все вместе создадим для меня, а потом для каждого из вас.

Тарнат, Лотер, даже Страг нахмурились, Гнур вообще заворчал, но Виллейн, самый быстрый и хитроумный, сказал живо:

– Хороший вариант! Я поддерживаю!

Лотер прорычал в недоумении:

– Почему?

– Потому что, – ответил Виллейн, – все будем смотреть на него и стараться сделать себе лучше и богаче.

Лотер пробормотал озадаченно:

– Выходит, самый огромный и богатый дворец окажется у того, кому построим последним? Тогда уж лучше всем построить одинаковые... Уже вижу, у каждого глазки загорелись, начинают пропускать друг друга вперед, такие вежливые...

Чародей сказал в нетерпении:

– Давайте сделаем хоть одному. Чтобы убедиться, что получилось то, что хозяин резиденции восхотел. А потом будем решать насчет следующего.

Все еще недоверчивые, поглядывая один на другого в ожидании подвоха, они помалкивали, осмысливая. В тишине послышался тихий рокот, похожий на звук перемалывающихся жерновов, хранители оглянулись на каменного тролля. Тот сдвинул большие, словно утесы, брови и что-то бормочет под нос. На него зашикали, а Теонард спросил:

– Что нужно?

Чародей пояснил:

– Сядь, закрой глаза и очень ярко представь себе, какими хочешь видеть свои апартаменты... вон там, где торчит тот обугленный после той битвы черный валун!

– Хорошо, – ответил Теонард, он закрыл глаза, – хорошо.

– Скажешь, – предупредил маг, – когда готов.

Все молча смотрели то на чародея, то на Теонарда, наконец он проговорил медленно:

– Все... представил до мелочей... можно...

Чародей указал на него унизанным перстнями длинным пальцем.

– Всю мощь талисманов на него!.. Быстро!

Каонэль сосредоточилась, на миг возникло чувство, что из нее выходит нечто горячее, рядом охнула ихтионка, изменился в лице Лотер, а Тарнат вскрикнул и сделал движение руками, словно хватается нечто незримое для других.

Чародей произнес громко заклинание, земля дрогнула от удара его посоха.

Цитадель, которую они возвели впопыхах, чтобы скорее укрыться за стенами от всех мирских бед, стала быстро блекнуть, как облачко утреннего тумана. Через несколько секунд от построек осталась лишь мерцающая пыль, которая медленно разлетелась по плато.

Воздух загудел, Теонард дернулся, а в том месте, где высился обугленный страшным жаром камень, вздыбилась земля, высунулся и начал подниматься остроконечный шпиль, блистающий на солнце, словно раскаленное в огне жало копья.

Следом быстро вылезла плоская крыша, тут же пошли вверх стены округлой башни из серого камня, очень широкой башни.

Она поднялась на высоту четырех-пяти этажей, не считая нижнего, что без окон, грубая дверь без всяких узоров, от нее вниз ведет каменная лестница, перила широкие, грубые и без украшений, а в камне над входом в замок, что больше похож на простую, хоть и большую башню, вырезан рыцарский щит острым концом вниз.

– Ого, – сказал Гнур язвительно, – у тебя и запросы, потомок макаки.

Теонард ответил с достоинством:

– Ты еще не понял, что представляю всю расу людей? Я должен быть значительным.

– А я всю великую и мудрейшую расу гоблинов, – отрезал Гнур. – Даже те племена, которые мне, такому мудрому, еще неведомы.

– Тогда тебе создадим болото поглубже, – сказал Теонард, – и повонючее. С лягушками и пиявками.

Бурук сказал грозно:

– Ему? С ума сошел!.. Это мне обязательно с лягушками, пиявками и жабами... Крупными жабами, толстыми, важными и прекрасными в своем непознанном величии!

Теонард поперхнулся, посмотрел странно и сконфуженно, а чародей сказал в нетерпении:

– Можешь быстро осмотреть, как там внутри, но можно оставить на потом.

– Это как? – спросил Теонард.

– Все можно поправить, – пояснил чародей. – Кто-то захочет переменить интерьер или мебель, для этого стоит только пожелать. Вы властелины Талисмана, не забывайте!.. Но, должен заметить для всех, у человека достаточно скромные запросы. Он возжелал себе даже не замок, как он сказал, а всего лишь башню при замке. Правда, широкую башню, чтобы там и жить, но все-таки это замок бедного рыцаря. Очень бедного и скромного.

Гнур вылез вперед и сказал торопливо:

– Человек – молодая и еще глупая раса, лучшего и не заслуживает. Хорошо, что сам понимает. А вот я, как представитель молодой, но уже самой мудрой, даже высокомудрой

расы, претендую на резиденцию покрупнее. И повеличественнее, ибо гоблинам суждено, по нашим пророчествам, править миром и устанавливать справедливые гоблиновские порядки!

Тарнат сказал в изумлении:

– Самая мудрая?.. Вот же наглые твари эти болотные жабы... Попробуй скажи такое гномам!..

– Гномы старше, но глупее, – пояснил Гнур. – Они почти люди, хоть и постарше человека. А самые мудрые, кому править миром, – мы!

Чародей сказал в нетерпении:

– Кто следующий? Давайте побыстрее! У меня важных дел хватает, а я тут с вами в песочке играю!

Каонэль выпрямила уши и сказала неожиданно даже для себя:

– Стойте, а можно мне сказать?

– Пропищать? – уточнил Тарнат могучим багом. – Ну пропищи, пропищи...

– Пропищу, – согласилась Каонэль с достоинством, – в писке всегда больше смысла, чем в твоём глупом реве. Я хочу предложить, пока все не передрались, договориться о размерах резиденций для всех!..

– Чего-чего? – спросил с подозрением молчавший Страг. – Зачем?.. Ты у нас как бы почти своя, но я все равно эльфам не верю.

– А вы не видите? – отрезала Каонэль. – Кто бы ни был вторым, он захочет свое жилище побольше, чем у Теонарда. И побольше настолько, чтобы издали заметно! Хотя бы в полтора раза, а то и вдвое.

Чародей кивнул, в глазах проступил смех, а губы сложились в улыбку.

– Я понял, – ответил он, – но туповатым объясни.

Каонэль сказала громче, свысока глядя на остальных:

– Третий захочет еще крупнее, а четвертый – крупнее, чем у третьего... И что в конце? Последний из Хранителей возжелает себе апартаменты размером с королевство!

Чародей окинул Хранителей все еще смеющимся взглядом, а те медленно переставали орать и начали поглядывать друг на друга с опаской и смущением. Только каменный тролль все еще сдвигает брови и переводит задумчивый взгляд с одного Хранителя на другого. Время от времени из трещин на его теле выкатываются крошечные драгоценности, и вокруг тролля образовалась россыпь, сверкающая на солнце, словно утренняя роса.

– Хорошо сказано, – произнес чародей с удовольствием. – Если что-то еще и предложить сможешь, то тебе вовсе нет цены!

– Могу, – отрезала эльфийка ко всеобщему удивлению и откинула с плеча серебристый локон, выпрямляя спину. – Нужно заранее договориться о размерах жилища. Одинакового для всех. Иначе мощи никакого талисмана не хватит, чтобы удовлетворить аппетиты последних в очереди!

Гном рыкнул:

– Что значит одинакового?..

– Одинаковый размер земли, – пояснила эльфийка. – Круги или квадраты, не важно, но всем одинаковые. А там уже всякий создает, что хочет. Либо болото, либо лес. Да, все недовольны, но зато у соседа не будет больше. Для нас же не так важно, как живем сами, а куда важнее, чтоб сосед не жил лучше!

Страг проговорил с неохотой:

– Обидные слова, но в самое сердце... Не хочется такое признавать, но серый ушастик прав, будто и не эльфийка. Даже удивительно, что не эльфийка, а он с нами. Ушастик, ты же с нами?

– Но не с тобой, – отрезала Каонэль, сверкнув глазами. – И я не ушастик! Ты свои уши видел?

Страг невольно коснулся кончиками пальцев уха, у него они в самом деле заостренные, память о матери, эльфийской чародейке, о которой старается забыть. Лицо потемнело.

– Я человек, – отрезал он.

Тарнат прогудел таким мощным басом, что голосок эльфийки вообще показался за пределами слуха:

– Женщины дуры, все знают, но дуры из них не все. Наша серая умнее не только женщин, но и всяких там чародеев... Она права. Я согласен.

Чародей сдвинул плечами.

– Намечайте участки. Кстати, я согласен с вашим гномом, он первый сообразил, что сказала эльфийка, и потому поддержал сразу.

Лотер буркнул:

– Размеры?

– Не слишком большие, – предостерег чародей. – Иначе их придется располагать по кругу далеко от центрального здания Советов. Сами ходить туда-сюда заморитесь.

– Не заморимся, – отрезал Гнур с подчеркнутой неприязнью и поскреб ногтями подборок, – но, конечно, ограничения сделаем. Например, квадрат в сто шагов. Каждая сторона!

За его спиной прогрехотал огр:

– Согласен... Но свой участок отмеряю сам.

– Чего? – охнул Лотер. – Хотя... согласен, тогда я свой отмеряю сотней ворговских прыжков!

Чародей терпеливо переживал бурю возмущения. С моря подул легкий бриз и принес запах водорослей, которые обширно разрослись у кромки на камнях. Он поднял голову – в небе кружит чайка, пузатая и откормленная. Пару кругов она парила над плато, видимо, выискивая что-нибудь съедобное, но, не найдя ничего подходящего, с криком умчалась в сторону моря.

Хранители все шумели, скаля зубы и потрясая кулаками, наконец чародей хотел уже вмешаться, но руку поднял Теонард, поднялся на ноги и заорал:

– Послушайте!.. Да послушайте же!.. Моя башня полста моих шагов в диаметре. Я предлагаю замерить ее и, увеличив длину вдвое, сделать этот размер обязательным для всех!

Голоса медленно умолкли, чародей всматривался в усталые лица, ночь прошла в тяжелых боях, сейчас многим жаждется просто упасть на землю и поспать хотя бы часок, а держатся на ногах лишь потому, что нельзя давать решать важные вопросы без них, обязательно обжуют.

– Все устали, – сказал он с сочувствием. – Может быть, отложим на другой день?..

– Я за, – сказал Теонард.

– Еще бы, – рыкнул Лотер, скаясь, – у тебя уже замок!..

– Башня, – уточнил Теонард.

– Но есть, – сказал Лотер, – где жить. Чародей, мы все согласны, это же видно.

– Отлично, – ответил чародей, он развязал узел веревки на поясе и протянул конец воргу. – Возьми! Замерьте башню Теонарда, добавьте, сколько там хотите, а затем разметьте участки. Всем одинаковые!

Лотер с недоверием потянул веревку, она пошла скользить от чародея ему в руки. Сперва наматывал на локоть, но веревка все не кончалась, подбежал мелкинд, начал собирать в круг, но кончилось тем, что пришлось и огру взять остаток, а когда веревка полностью покинула чародея, у того загадочно заблестел темными камешками роскошный пояс с золотыми накладками.

Глава 3

Солнце уже переползло на другую половину неба, день постепенно пошел на убыль, но до вечера еще далеко. Несколько раз из леса высовывались любопытные мордочки косуль, хотя они обычно сторонятся неизвестного. Возле огра на камень опустилась чайка, но, увидев или, скорее, почувствовав птичьим чутьем опасность, поспешила улететь подальше за обрыв.

Эльфийка и ихтионка с интересом наблюдали, как остальные хранители трудятся.

И хотя чародей вроде бы никого не обманул, даже помог, иначе бы мерили шагами и ссорились, перемеряли, обвиняли бы друг друга снова, но из-за этого трюка с поясом чувствовали, будто в чем-то надул, и потому работали слаженно, дружно, как всегда, когда против кого-то.

На веревке сперва было завязали узел в нужном месте, а потом вообще лишнее отрубили. Участки получились, как и задумали, в полтора раза шире, чем под башней Теонарда.

За два часа непрерывной работы наметили место для здания Общений, начали отмечать для себя, а чародей, что наблюдал с одобрением и чему-то загадочно усмехался, вдруг прокричал издали:

– Стоп-стоп!.. Если хотите по кругу, то придется добавить еще два-три участка.

– Зачем? – спросил Лотер враждебно.

– Подойдут еще, – сказал чародей. – Последний осколок еще и сам разлетелся на кусочки. Совсем мелкие, но без него мощь Талисмана не- полна.

– Ничего себе неполна, – проговорила Каонэль ошеломленно.

– Будет еще сильнее, – заверил чародей. – Как только соберут, остальные явятся немедленно.

Виллейн сказал сварливо, поправляя амулеты на груди:

– Они не участвовали в битве за Цитадель!.. Им участки не положены.

Несколько голосов тут же поддержали, чародей сдвинул плечами.

– Как хотите, – сказал он равнодушно, – вам решать. Отныне все решать вам. Еще наплачетесь. Я лишь могу что-то подсказывать, но решать вам. И отвечать, кстати, тоже.

Каонэль охнула.

– Ой... а нельзя, чтобы отвечал ты?

– Нельзя, – заверил чародей почти злорадно. – Эй, меряльщики! Вы там не заснули?

– Заканчиваем, – прокричал издали Лотер.

Когда измерили все участки и расположили красиво по кругу вокруг будущего здания Советов, словно по циферблату солнечных часов, Лотер присвистнул, Тарнат озабоченно покачал головой.

– Это же... целый город!

– Почти, – согласился чародей, – но, конечно, вам не придется жить в своих дворцах в одиночку. Выпало быть первыми Хранителями, но не последними! Со временем пришлют взамен кого-то, кто покажется вашим вождям или королям умнее или хитрее, но пока вы, только вы... Так что понадобятся помощники. И вообще...

– Что?

Чародей посоветовал:

– Привыкайте думать не только о сегодняшнем дне. Вам всем не кажется, что здесь и будет центр мира?... И создаете его вы. Уже создаете! Сейчас только центр Силы, но придут торговцы, дипломаты, даже короли с намерением если не поставить вас себе на службу, то хоть как-то использовать. Понимаете?..

Они все молчали, даже говорливый Гнур перестал приглаживать красный гребень на макушке, застыл, как тролль или горгулья, что как опустилась на валун в отдалении, так и не шелохнулась, будто тоже стала камнем.

Страг вернулся первым, на ходу сматывая веревку на локоть, и снова, сколько ни мотал, все помещалось, почти не увеличиваясь в объеме.

Чародей небрежно принял из его рук весь моток, Страг только охнул, когда всей ее длины едва хватило, чтобы чародею подпоясаться. Лотер наблюдал с озадаченным видом, затем сказал непривычно для себя неуверенным голосом:

– Вообще-то, если подумать, что я видел кроме леса и лесных деревушек, куда забегал время от времени? А ты говоришь про центр мира, который мы вот тут наметили.

– У меня тоже голова кругом, – сказал Страг, он подошел и сел рядом с Лотером на камень. – Но чародей вроде бы не врет.

– Почему-то не врет, – согласился Лотер, – но что-то задумал. Они все что-то да задумывают!

– Все, – согласился Страг, – как и ты тоже. Сейчас мне вообще кажется, что ноша Хранителя не по моим плечам. Командовать я бы рад, но чтоб отвечал, например, ты...

Лотер фыркнул.

– Опередил... Ладно, давай свой осколок Талисмана.

– Размечтался, – отрезал Страг. – Нет уж, потащу эту ношу сам. Вдруг и мне что отвалится на мою совсем не мохнатую лапу.

– У меня не мохнатые, – сообщил Лотер. Он поднялся, оглядывая окрестности, даже руку приложил козырьком к глазам, защищая от прямых лучей солнца. – Я почти вижу, как вокруг нашей Цитадели разбивают шатры и палатки, начинают вырастать склады, караван-сарай, гостиницы для купцов и караванщиков, дома для дипломатов, их слуг...

Страг тоже встал, посмотрел во все стороны.

– Крестьяне будут возить сюда хлеб, – добавил он, – молоко и битую птицу, появятся базары, рынки... Придется завести охранников, чтобы смотрели за порядком... вот так и начнется город. Увидишь, все случится быстро!.. Ладно, встряхнитесь, надо возводить следующее строение...

Чародей не слушал их, погружившись в раздумья, зато Каонэль встряхнулась, вскочила живая и нетерпеливая. Плащ распахнулся, открывая глубокое декольте на всеобщее обозрение, но она даже не попыталась прикрыть.

– Мне! – выпалила она. – И не какое-нибудь ваше противное строение, а мне нужно дерево! И не такое, а совсем не такое, а чтоб большое и красивое. Я уже все придумала и намечтала.

– Тогда все на край участка Теонарда, – решил Страг, косясь на точеную фигурку с дразнящими выпуклостями. – Чтоб магию зря не растрчивать.

– Я созову, – ответил Лотер. – Чародей?

– Зови, – согласился чародей. – Ишь, разбрелись, овцы.

Страг ринулся созывать, пришли все, кроме заснувшего от усталости Виллейна, да еще Булук что-то поймал в дальних зарослях и жадно жрет, сопя и чавкая.

Наконец притащили и Виллейна, Булук добросовестно явился сам, и чародей всем снова и снова объяснил, что должны сконцентрировать желания помочь серой эльфийке создать ей дерево, но самим не вмешиваться, тогда им тоже мешать не будут.

– Все поняли?.. Давай, остроуха!

Каонэль впервые не огрызнулась, ее пальцы стиснулись вокруг осколка Талисмана, во всех мельчайших деталях вообразила свое дерево, о котором столько грезил, мечтала, представляла, как бы жила в нем...

За спиной кто-то охнул. Она торопливо распахнула глаза во всю ширь и пискнула от счастья. Дерево поднимается, растет, пока еще призрачное, но прекрасное и могучее, наливаясь ярко-красной, пурпурной и оранжевой листвой, хотя есть ветки и с зелеными листьями, становится зримее, от него пала на землю тень...

Каонэль взвизгивала от счастья – дерево именно то, о каком мечтала всю жизнь, остальные смотрят с восторгом и растерянностью, красота дивная, но какая-то слишком уж эльфичья, что ли.

Наконец вокруг Дерева погасли вихри сверкающих мошек, и оно стало таким же реальным, как и башня Теонарда на соседнем участке.

Чародей потряхнул ладони, словно это он сам вытягивал дерево из почвы, сказал довольноно:

– Готово!.. Кто следующий?

– Я, – сказал Тарнат.

– Молодец гном, – одобрил чародей. – Быстрый ты, прямо как кузнецик. А говорят, гномы толстые, тугодумные...

За их спинами раздался яростный вопль, Гнур протолкался к чародею, лицо искажено гневом и яростью.

– Эльфийка, – завопил он в великом возмущении, – эта остроухая обманула вас всех! Смотрите, ее мерзкое дерево захватило пространства вдвое больше!

Лотер внимательно посмотрел на ствол.

– Ты чего? Все в размере. Даже по три шага отступила от краев отмеренного ей участка.

Гнур взвизгнул:

– А крона?.. Посмотрите на крону!..

Все посмотрели на крону, начали переглядываться, только Лотер поморщился и проговорил с досадой:

– Брось, если и схитрила, то это мелочь. Крона и должна быть шире, чем ствол. Думаю, Теонард не станет ее за это убивать, хотя плату и потребует, что ветки залезли на его участок. Посуду ему мыть заставит или пол подметать... Зато в высоту вполне пропорционально. А если не нравится, то к следующим участкам нужно подходить с осторожностью.

Тарнат зачем-то потрогал рукоять молота за спиной и сказал в нетерпении:

– Мне точно дерево не понадобится. Давайте сделаем мне шахту, а я пойду туда спать, а то ноги подламываются. Я-то воевал с огнетроллями, пока вы спали!

Чародей сказал с подъемом:

– Хорошее решение! Вам в самом деле лучше поторопиться, всего два участка освоили. Маловато. Гном, ты готов?

– Давно, – буркнул Тарнат. – Только называй меня по имени, чародей. А то и я буду тебя называть всего лишь человеком!

Чародей повторил, перекладывая посох в другую ладонь:

– Человеком?.. Гм... я бы не сказал, что я человек...

Тарнат умолк, не понимая, а Лотер насторожился, сказал быстро:

– Да? То-то в тебе частенько проступает что-то волчье.

– Но больше гоблинское, – сказал Гнур с радостной надеждой. – Признайся, когда-то был гоблином?

Чародей покачал головой.

– Нет, родился и был человеком, но человек... гм... это тоже как бы ступенька... или не ступенька?.. Я очень долго жил, много видел, а кто проживет хотя бы сто лет, уже не тот человек, которым был в пятьдесят... Так что не надо считать, что я буду помогать именно людям. Для меня все вы мой род, потому что я жил не только среди воров или мелкиндов,

но и среди таких рас, которых вы и вообразить не сможете. И я понял, что все они имеют право на жизнь и на счастье... Но мы вроде бы отвлеклись, не так ли?

Тарнат сказал рассерженно:

– Ты сам нас отвлек! Вон мой участок. Подходим или отсюда?

– Лишь бы прямая видимость, – сказал чародей. – Но если встать вплотную, маны потребуется меньше.

– Тогда подойдем, – решил Тарнат рассудительно. – Нужно быть скупыми хозяевами, это окупается.

Как только все подошли к границе его участка, он сказал с подъемом:

– Готов, и даже давно готов! Начали?

Чародей кивнул, оглянулся на усталых хранителей.

– Тот же порядок... Все отдаем мощь своих частей Талисмана... Сосредоточились... начали...

Долгое время ничего не происходило, наконец Лотер заговорил первым, остальные все еще тупо таращились на ровную поверхность участка гнома, что так и осталась серой и бесцветной:

– И что... ничего не получилось?

Чародей усмехнулся.

– Все получилось. Тарнат хоть и молод, но соображает быстро.

– А что получилось? – спросил Теонард. – Я тоже не понял... Хотя да, вижу, простая земля превратилась в такой же серый гранит. Его участок... это гранитная скала, что ушла в глубину?

– Точно, – подтвердил чародей и покосился на гнома. – Только не утес, а целая гора. Ваш соратник, понимая, что вы на недра не претендуете, несколько расширил участок. Всего в два-три раза.

Лотер охнул.

– Ах он морда толстая!.. Тарнат, ты чего нарушаешь?

Тарнат ответил невинно:

– Я?... Где?... Не посягнул. А насчет глубин вроде в договоре не было... Так что я вполне на законном основании пробил шахту... ну, на полмили вглубь. Может, чуть глыбже, вам-то какая разница?

Теперь уже охнули и мелкинд с Булуком, даже горгулья протестующе каркнула.

Теонард проговорил в некотором ошеломлении:

– Одна схитрила, устроив себе дворец над участками, другой захватил недра... Чародей, ты же все знал, вижу по твоей хитрой харе!

Чародей ответил с достоинством:

– Скажем скромно, догадывался.

– Почему не сказал?

Все смотрели с ожиданием, он ответил медленно:

– Во-первых, Каонэль и Тарнат формально ничего не нарушили. Эльфийка захватила чуток чужой территории над участками, а гном прибрал недра под ними. Но вам это урок, чтобы тщательнее оговаривали все условия. Обычно вы не доверяете друг другу, но сейчас жадность и усталость ослабили вашу бдительность. Нарушения формально нет, менять и переиначивать нельзя, но пусть это останется вам как напоминание, что теперь ваши ошибки могут стоить очень... дорого. Без осколка Талисмана вы могли разве что растоптать гнездо мышей по дороге, а с Талисманом легко разрушить город или истребить племя. Добро бы чужое, а то и свое...

После тяжелого молчания Лотер оглядел мрачные и встревоженные лица Хранителей, повернулся к чародею.

– Наверное, ты прав, но признаю это завтра, а сейчас сам падаю от усталости. Потому и ошибаемся. Предлагаю завтра с утра встретиться и завершить строительство на свежую голову.

Гнур буркнул раздраженно:

– Хотя ты и не гoblin, но почему-то прав. Наверное, в тебе есть часть гoblinской крови. Давайте до завтра?.. Чародей?

Чародей кивнул.

– Я думал, скажете раньше. Но это тоже урок на будущее. Важные вопросы лучше откладывать, чтобы успеть обдумать со всех сторон.

– И предусмотреть всякие хитрости, – сказал Виллейн, перебирая пальцами амулеты. – Что за жизнь, это же я всех хитрее, но как так получилось?.. Наверное, потому, что выкладывался весь в битве, а эти прятались по кустам да малину жрали...

– Нет там малины, – сказал Страг. – Но клубники много, отборная... Я чуть не лопнул, столько ел...

Мелкинд зло засопел, разыгрывать он тоже вроде бы мастер, а тут разыгрывают его, но ответить не успел, чародей сказал властно:

– Всем отдыхать!.. Я пока посторожу ваш сон. Но недолго.

Глава 4

Небо постепенно меняло краски из лазурного в нежно-лиловый. На востоке оно совсем потемнело, оттуда с хозяйской неспешностью надвигается ночь, и только запад еще полыхает багровым заревом. Солнце, словно раскаленная докрасна монета, ползет к морскому горизонту, расплескивая последние лучи тепла.

Волны мерно шелестят у подножья плато, ветерок уже поменялся, и теперь от воды тянет солью. Со стороны Поломанной рощи льется соловьиная трель. Птица заливается, будто нашла прекрасный цветок и спешит всем рассказать.

В лесу сумерки уже наступили и между деревьев мелькают светящиеся точки. Некоторые, особо смелые, вылетают на плато, но тут же испуганно устремляются обратно, к деревьям.

Когда край солнечного диска опустился в море, воздух посвежел. Словно по команде затрещали сверчки и цикады, разномастный стрекот заполнил мир и погрузил его в ночь.

Каонэль полагала, что не заснет, слишком много свалилось на голову, хорошо бы осмыслить, страшно вато снова вляпаться, но слабость заполнила тело, словно теплая вода вату, руки и ноги отяжелели.

Она едва вошла в дерево в самом низу, там уютная пещера, их люди называют дуплами, и почти сразу провалилась в глубокий и тревожный сон.

Чародей наблюдал, как почти все разбрелись, только гигантский тролль остался, неотличимый от гранитной скалы, однако чародей ощутил, что каменный исполин тоже спит.

За спиной слышались крадущиеся шаги, чародей сказал, не оборачиваясь:

– Ворг, я тебя не только слышу, но и вижу.

– Мне бы так, – ответил Лотер. Он подошел и сел рядом, усталый, исхудавший за последние дни, с погасшими глазами, а густые черные волосы спутались в узлы. – Пригодилось бы.

– Чего не спишь?

– Волчий сон короткий, – ответил Лотер.

– Но ты сейчас вроде бы человек.

– Все мы волки, – заметил Лотер мрачно. – Даже милая эльфийка с ихтионкой. Вон как дрались!

Чародей прервал:

– Что хотел спросить? Что-то важное, раз даже сон отложил!

Лотер помолчал, вид такой, словно заставляет себя сделать или сказать что-то неприятное, наконец проговорил:

– Одного не пойму, почему мы? Ты мог сообщить о Талисмани кому-то из могущественных королей!.. И тот прибыл бы с большим отрядом, а то и армией. Окружил бы гору, чтобы никто не смел приблизиться... Но сказал нам. Почему?

Чародей поинтересовался с легкой иронией:

– А вдруг вы чем-то лучше королей? Это первое, что должно прийти вам в голову.

Лотер покачал головой.

– Конечно, пришло. Даже мне. Но то, что льстит самолюбию, обычно ошибочно.

Вдали у россыпи крупных камней поднялся Теонард, посмотрел в их сторону и решительно пошел к ним. В бледном свете звезд его фигура похожа на темного призрака, волосы шевелятся от ветерка, взгляд прямой и уверенный.

Чародей, дождавшись, когда человек приблизится и сядет рядом с оборотнем, ответил неспешно:

– Что король, рожденный в семье потомственных королей, знает о жизни простых людей, на плечах которых мир?.. Ты, Лотер, видел людей и нелюдей, а ты, Теонард, через какие испытания прошел, через какие муки и лишения, прежде чем встретил нас?.. А вон там лежит, как сраженный в бою, Страг, что вынужден был драться на арене за кусок хлеба... Никто из вас не был рожден принцем и не спал в королевских покоях!.. Вы видели мир, вы знаете жизнь народа! И потому вправе стать Хранителями и пользоваться мощью Талисмана, чтобы сделать этот несовершенный мир лучше, совершеннее.

Лотер кивнул, расправил плечи, словно принимая на них тяжесть и все проблемы племени, но осторожный Теонард нахмурился, пытливо взглянул на чародея.

– Звучит красиво.

– Тоже так думаю, – согласился чародей.

– А я красивым словам верю мало, – сказал Теонард. – Или, честно говоря, совсем не верю.

– Здорово тебя потрепала жизнь, – сказал чародей с сочувствием.

– Но не убила, – ответил Теонард сухо.

– Гм... кого не убивает, у того кожа с каждым неубийством крепчает и становится толще. И что хочешь узнать?

Теонард проговорил медленно:

– Ты стар и, значит, мудр... хотя старики не всегда бывают мудрыми, но ты уже доказал, что видишь будущее.

– Будущее не вижу, – мягко уточнил чародей. – Я вижу, каким оно должно бы стать. Какое хотелось бы.

– Другие, – сказал Теонард, – и того не видят. Наверное, у тебя были особые причины сообщить о Талисмани не совсем, мягко говоря, героям?.. Ладно, пусть не короли, но есть же признанные победители, есть храбрецы в адамантовых доспехах, для которых нет препятствий ни в лесах, ни в горах...

Он умолк, заметив, что чародей смотрит на него как на глупого, но милого ребенка. Лотер завожился рядом, но тоже в ожидании посмотрел на чародея. Ноздри раздулись, словно пытается учуять мысли собравшихся, по черной радужке прокатился рубиновый перелив.

– Продолжай, – сказал чародей.

Теонард покосился на сидящих возле костра и сказал сердито:

– Хватит и того, что сказал.

– Хорошо, – ответил чародей, – не знаю, обрадует ли тебя мой ответ. Лотер, ты тоже хочешь узнать?.. Ладно, слушайте. На самом деле я сказал им. Раньше, чем вам. Но увидел, как меня слушают, тут же начал рассказывать всем. Так что вы вовсе не избранные, а... сделавшие себя избранными. Вы те, кого нужда подняла с насиженных мест и погнала за призрачным шансом изменить свою жизнь. Вы те, кто пришел к подножию горы и, рискуя жизнью, обшаривал каменные россыпи, леса и болота в надежде отыскать Талисман... Вы те, кто нашли! Пусть не Талисман, а только осколки, но и те дают вам шанс стать теми, кем хотите.

Теонард мрачнел, пока чародей говорил, затем тяжело вздохнул, вскинул голову и посмотрел тому в глаза.

– Спасибо. Камень с души.

– Не хочешь, – спросил чародей с интересом, – быть Избранным?

Теонард ответил кратко:

– Я им стал. По своей воле, как ты сказал.

Чародей поднялся, потряхнул полы халата, собравшие пыль с земли.

– Распоряжайтесь своей мощью мудро!.. Утром увидимся.

Лотер и Теонард пригнулись, ожидая удар северного ветра, однако чародей на последнем слове ударил в землю посохом, сказал два резких, как морозный ветер, слова, рядом с ним образовалась огненная щель как раз в его рост.

Он подобрал полы халата, чтобы не задеть пламя, и шагнул в повисшую в воздухе трещину в ткани мира, а та моментально исчезла за ним.

Тарнат, что стоял ближе всех, успел увидеть большую, но заставленную старой мебелью комнату и столы с раскрытыми книгами.

– Вот бы и нам так, – сказал Теонард. – Во всяком случае, мне.

Лотер не ответил: за этот краткий миг он успел перекинуться в гигантского волка и уже заснул крепчайшим чутким сном хищника.

Едва небо на востоке посветлело, в воздухе появилась утренняя свежесть, какая бывает лишь вблизи воды. На траве собрались драгоценные капельки. Те, что на изгибах, сливаются в прозрачные горошины и, скатываясь по стебелькам, сразу впитываются в землю.

В лесу деловито защебетал выюрок, через некоторое время к нему присоединился зяблик. Они пели то по очереди, словно уступая друг другу, то сливались в одну сплошную трель с диковинными переливами.

Потом зажужжали пчелы, лучшие друзья цветов, через несколько мгновений небо залилось утренними лучами. Солнце выплыло из-за горизонта свежее и умытое после ночного сна.

Хранители на плато стали просыпаться. Мелкинд склонился над погасшим костром и ковыряет прутиком в углях. Лицо непривычно мирное и расслабленное, словно еще витает среди сонных грез и легкокрылых фей.

Ворг проснулся раньше всех и уже жует что-то с такой довольной мордой, что даже похрюкивает. Гном, который выбрался из своего подземного жилища, сел к костру напротив мелкинды и откинулся назад, оперевшись на локоть. Взгляд задумчивый, словно не спал, а всю ночь размышлял о таком высоком, что даже каменному троллю с его ростом не дотянуться.

Потом появилась эльфийка, довольная и свежая после долгожданного сна. Все невольно загляделись, когда она принялась расчесывать серебряную копну неизвестно откуда взявшимся гребешком. Закончив, серая сомкнула края лацерны на груди и под села к общему кругу.

Через некоторое время подошли Теонард и Страг, за ними явился гoblin, который спал то ли где-то в кустах, то ли в высокой траве, и к зеленой щеке прилипли несколько свежих листьев.

Когда на тонких ножках притопала Селина, солнце уже поднялось над лесом и медленно поплыло по небосводу, освещая мягкими лучами весь мир.

Хранители наслаждались ласковым теплом и молчали, Каонэль даже прикрыла глаза, счастливая от того, что можно нежиться, а не прикрывать голову капюшоном.

В чистом небе возникла темная тучка, стремительно расширилась до грозового вихря, налетела и ударилась о землю, осыпав ее кристалликами ледяной крошки.

Вихрь исчез, на его месте разогнулся чародей, одной рукой упершись посохом в землю, а другой придерживая шляпу.

– А-а, – сказал он, – проснулись, не терпится... Доброе утро!

– Утро доброе, – пропела эльфийка. – Ой, какое у меня прекрасное дерево! Всем спасибо, я пошла... Нет-нет, я шучу, не бейте!.. Куда я от вас уйду?

Чародей с удовольствием оглядел обращенные в его сторону лица. Лотер, Теонард, Страг, Виллейн, Гнур, Тарнат с неизменным молотом на плече, застенчивая Селина, молча-

ливая горгулья, и даже каменный тролль, что всю ночь просидел неподвижным, повернул к нему голову.

Виллейн вскрикнул:

– А теперь мне, мне!.. А вы, морды, подвиньтесь! Сопливым попозже, если что останется.

Он обошел низкорослого гоблина, который расселся на камне, покосился с таким видом, словно это не гоблин, а зеленая жаба в бородавках и складках. Гоблин скривился, покабанив выпятив бивни, и отвернулся.

Тарнат ворчливо поинтересовался у мелкинда:

– А ты хорошо продумал?.. А то тратить на тебя ману жалко. Я бы тебя лучше утопил.

Виллейн огрызнулся:

– Ты вон лучше ихтионку утопи. Это легче, чем по мне молотом попасть, черепаха ты подземная. И вообще молчал бы, бессовестный! Как не стыдно? Я думал, гномы народ честный, солидный, добросовестный... В какую бесчестную компанию я попал?.. Я хочу в честную, там мне дурить легче.

Чародей прервал его длинную речь, конца которой не видел и сам мелкинд:

– Все обдумали? Готовы?

– Даже много раз, – заверил Виллейн и набрал воздух для продолжения монолога.

Но его прервал Гнур, поднялся, пригладил зеленой лапой ярко-красный гребень на голове, он проговорил довольноно:

– И додумались, что нужно ввести ограничения.

Мелкинд посмотрел на гоблина так, словно в мыслях уже распылил его на порошки и снадобья, а из шкуры самолично сшил добротные сапоги и даже надел.

– Это с кем же ты додумался? – спросил он с подозрением. – Кто это такой, которого уговорил на общение?

– Да вот есть такой умный собеседник, – ответил гоблин скромно и значительно.

– Это на себя намекиваешь? – спросил Виллейн. – Плюнь на такого дурака!

Чародей провел пальцами по длинной с проседью бороде и спросил с интересом:

– Какие ограничения? Вообще-то рад, что додумались. Ограничения – это то, что отделяет цивилизованных от нецивильных. Говори, гоблин!

Гнур выпрямился и сказал быстро:

– За пределы участков выходить нельзя!.. не только по самой земле, но и над нею... как и под нею...

Лицо Виллейна покраснело, рот, похожий на жабий, искривился, пальцы вцепились в амулет на самой короткой веревочке. Та натянулась и затрещала так жалобно, что все невольно покосились.

Он прокричал в гнев:

– Что?.. Мне нужна самая высокая башня!..

Гнур спросил саркастически:

– Даже выше центрального зала заседаний?.. Его будущего шпиля с нашим знаменем?

– Да, – подтвердил Виллейн. – У меня такой вид магии, что это необходимо просто крайне и закрайне!

Все заворчали, заволновались. Эльфийка закатила глаза и что-то недовольно прошептала одними губами, уши задергались. У ворга вытянулись клыки, холка вздыбилась, он стал похож на медведя. Гном закричал, будто его заставляют поднимать непосильную ношу, а он, чтобы не упасть лицом в грязь, терпит. Остальные тоже возмущены и бубнят каждый свое.

Гнур оглянулся на их рассерженные лица.

– Видишь?.. – спросил он. – Эльфийка и гном хотя бы воспользовались лазейками, а ты прешь внаглую!.. Нет уж, закон должен быть для всех одинаков. Чародей?

Чародей развел руками.

– Что примете, то и будет. Теперь вы властелины Талисмана. Учитесь распоряжаться мудро. И с большой осторожностью. Сперва семь раз отмеряйте. И помните, один ум хорошо, а несколько – лучше.

Гнур упер кулаки в бока, на поясе звякнул крашар, он прокричал громко:

– Кто за решение, что границы участков должны быть неприкосновенными как над землей, как и под нею?

– Сто шагов по земле, – уточнил Тарнат, – сто вверх, сто вниз... Я за!

– Я тоже за, – мягко согласилась эльфийка.

– Я за, – сказал гном с готовностью.

Виллейн совсем побагровел, пальцы уже не сжимают амулет, а безжалостно его давят – костяшки побелели, зеленая поверхность пошла цветными переливами.

Он вскрикнул:

– Вы что, не видите? Они за, потому что уже ухватили больше, чем положено!

Теонард, все это время смирно сидевший на камне, поднял голову и осведомился:

– Где это я ухватил больше?

– Ладно, – сказал Виллейн запальчиво, – ты поскромничал, а эти двое с бесстыжими мордами?... Я тоже хочу!

– Бесстыжую морду? – переспросил Страг. – Так она у тебя и так самая-самая... Знаете, я тоже за. Не следует стараться откусить пирога больше, чем сможем проглотить. Вспомните, как мало у нас было... и чем владеем сейчас. Давайте не наглотать... слишком уж.

Мелкинд завопил так, что яростная речь перешла в злобное шипение:

– Я не согласен!.. Это несправедливо!.. Это ущ-щ-щемление-е-е...

Хранители начали переглядываться в нерешительности, Страг вышел вперед, высокий, мускулистый, с суровым костистым лицом. Тарнат, стоявший к нему ближе всех, недовольно повел плечами, отошел на полшага и встал так, чтобы его коренастую фигуру не загораживал какой-то человек.

Страг не заметил.

– Тогда вопрос с Виллейном и его башней, – сказал он, – предлагаю отложить на потом. А сейчас лучше закончить с теми, с кем нет проблем и кто не жаждет чего-то сверх. Например, можно начать с меня. У меня все просто. Удовольствуюсь замком, какой однажды видел на горе, когда проезжали с цирком мимо... Внешний вид помню, а что внутри... уже давно намечтал за годы во всех подробностях. Не пугайтесь, и внутри все очень просто и небогато.

Гнур спросил с подозрением:

– Никаких подвохов?

– Никаких, – заверил Страг. – И не надо мне замка на все сто шагов. Я оставлю место под лужайки и клумбы с розами.

Гнур повернулся к чародею.

– Вижу по мордам, все согласны, – проговорил гоблин. – Делаем?

– Делаете, – уточнил чародей. – Готовы?... Начали!

Страг повернулся лицом к своему участку, лицо осветилось, словно солнце льет лучи только на него, кулаки сжались, даже дыхание задержал.

Все в ожидании смотрели на место, где должен подняться замок, под синим безоблачным небом просто засияет...

Страг с силой выдохнул, в недоумении оглянулся на чародея, а тот с сомнением поглядывал на золотой кристалл в руке застывшего рядом Теонарда.

Глава 5

Осколок потерял половину яркости еще вчера, как только на плато рядом с дворцом Теонарда выросло роскошнейшее дерево в объёме с просторный сарай и с густой кроной, под которой от дождя может укрыться тысяча человек.

Однако мощи кристалла хватило создать убежище для гнома, хотя погасли вовсе, но чародей рассчитывал, что за ночь свечение восстановится, но, увы...

Теонард перехватил взгляд чародея.

– Что-то не так?

– Все так, – ответил чародей, – но вроде бы мана подистощилась... Ладно, попробуем...

Он сделал несколько движений руками в воздухе, от кончиков пальцев взвился и тут же исчез рой искр, а под ногами появился иней. Кристаллы в руках Хранителей вроде бы чуть-чуть осветились, но тут же погасли.

Все смотрели на чародея в ожидании; несмотря на солнечные лучи, что залили все плато, Теонард поежился. Он сложил руки на груди и повернулся спиной к морю, откуда тянет свежим соленым бризом.

Чародей нахмурился, покачал головой.

– Что-то не так... – пробормотал он. – Да, понял...

– Что? – первым спросил быстро соображающий Виллейн.

– Мана кончилась, – пояснил чародей. – Совсем. Не паникуйте... Тихо-тихо!.. Талисман – как кувшин с вином, что непонятно?.. Если вино выпито, нужно наполнить снова.

Гнур спросил расстроенно:

– Как наполнить?.. Давайте быстрее, я на очереди за Страгом! Такое себе жилище придумал, все удавится.

– Талисман сам наполняется, – объяснил чародей. – Но как долго... не знаю. У меня таких никогда не было, как вообще никогда и ни у кого. Придется ждать. Если бы не потратили тогда так много на первую Цитадель, хватило бы... А так, ждите. Небесное Золото, пока летело через пространства, накопило много магической мощи, но вы почти все израсходовали на строительство исполинской Цитадели... ну и размах у вас!.. Как у всех нищих... Теперь ждите, когда Талисман снова накопит мощь.

Гнур охнул.

– И сколько ждать?

Чародей ответил с неохотой:

– Знал бы, было бы проще.

– А вдруг это годы?

– Вряд ли, – ответил чародей. – Но и когда наберет магию, все-таки посоветовал бы расходовать силы Талисмана бережнее. Вам предстоит совершить много нужных...

– И великих!

– И великих дел, – согласился он. – Если только не будете расходовать направо и налево.

– Только на нужное, – подтвердил Гнур торжественно. – Мне на нужное, а остальным можно не давать вообще. Обойдутся! Зачем нам массовость? Мир держится на гениях и подвижниках.

Лотер прорычал мощно:

– Потихе, жаба зеленая. Тебе дадим последним. Больно наглый.

Гнур, игнорируя могучего оборотня, повернулся к Теонарду. Тот сидит смирный и спокойный, поглядывает в сторону своего замка, что не замок, а скорее башня, куда успел перетаскать клетку с голубями.

– Скотина, ты догадывался? – спросил гоблин зло. – Или просто повезло?

Теонард ответил пренебрежительным голосом, но все же многие уловили в его голосе виноватую нотку:

– Я не чародей, откуда мог знать? Но сильным да решительным судьба дует в спину, а трусам в харю. Ну, ты понял, о ком я.

– Сильный и решительный здесь я, – объявил Гнур. – Но я думаю о великом, поэтому меня могут обманывать мелкие люди по разным мелочам.

– Значит, – сказал Теонард миролюбиво, – в следующий раз судьба даст тебе больше. Потом догонит и еще даст.

Виллейн прислушался, буркнул:

– Хорошо даст. Чародей, что нам теперь?

Чародей развел руками.

– Ждать. Нет, я не останусь, у меня дел невпроворот. Но присматривать за вами буду. Издали.

– Через волшебное зеркало? – спросил Виллейн жадно.

– Предмет неважен, – ответил чародей. – Я могу смотреть не только через зеркало.

Мелкинд раскрыл рот, чтобы расспросить о предметах, в которые можно зреть другие миры, но лицо чародея стало таким, словно уже не здесь, а где-то далеко, смотрит в глаза вечности.

Он поднял правую руку, пальцы заиграли, будто перебирает невидимые струны, глаза побелели. Где-то в небе послышался вой, такой тоскливый и зловещий, что всем сразу захотелось укрыться где-нибудь поглубже, пусть даже в шахте гнома.

Через секунду небо над лесом потемнело, на севере появилась темно-синяя туча, она стремительно помчалась, цепляясь за верхушки деревьев.

Зашумела листва, в воздухе закружились крупные снежинки, падая на камни, тут же таяли. Хранители невольно отступили от чародея, лица позакрывали ладонями, пригнулись.

Когда сверху ударил ледяной поток, он вскинул посох и что-то неразборчиво выкрикнул, вихрь моментально окутал его, укрыв от глаз. Порыв поднял воздушный кокон, окатив хранителей ледяным дыханием, эльфийку откинуло на несколько шагов, она осталась лежать, прикрыв голову ладонями. Ихтионка вцепилась в большой палец тролля и зажмурилась. Остальные держатся, боясь посрамиться перед женщинами, хотя согнулись так, словно на них по три мешка камней.

Спустя мгновение вихрь взвился в небо и умчался на север, холодная туча с удивительной быстротой улетела следом. Небо тут же расчистилось, солнце радостно засияло, словно не было никогда северного ветра с его снегом и холодом.

Хранители разгибались, стряхивали с плеч ледяную крошку, что сразу же начала таять.

Едва погода успокоилась, эльфийка подхватила, поспешно расправила серебристые волосы, оглядела себя, проверяя, чтобы корсет не перекрутился, а осколок надежно лежал в декольте. Затем вскинула голову и гордо прошагала к воргу, который выпрямился взъерошенный и злой.

Мелкинд поднялся с колен, оглядываясь, словно застукали на чем-то непотребном, сказал нервно:

– Снова ждать!.. Сколько ждать? Я всю жизнь жду!.. И опять ждать?.. Это невыносимо!.. А кто знает, сколько?

Гнур вытер с лица растаявшие снежинки и посмотрел на него злыми глазами.

– Виллейн, а не ты у нас чародей и волшебник? Швырялся огненными шарами почище нашего чародея! Хоть и почти всегда промахивался, огнетролли ж такие мелкие, но все же показал себя как бы тоже магом. Это мы у тебя должны спрашивать, сколько и чего ждать.

Виллейн огрызнулся, поправляя амулеты:

– Не знаю! Но если я не знаю, то что вы, тупое стадо, знать можете?.. Давайте просто ждать.

Теонард во время ухода чародея стоял, как изваяние, с видом северного героя, который прошел такое, что никому и не снилось, а если снилось, то в кошмарах. Он кивком указал на каменного тролля. Тот за все время не шевельнулся – то ли еще спит, то ли внимательно слушает. На плечах темные следы от растаявших льдинок, у правой ладони перепуганная ихтионка.

– Это он может ждать, – проговорил Теонард. – У него от обеда до ужина может пройти сто лет, а я вот уже сейчас есть хочу!

– Это можно и моей магией, – заверил Виллейн, – любые блюда создам! Но ты должен поддержать мой заказ на башню.

– Лучше останусь голодным, – ответил Теонард кратко.

Лотер в сторонке беседовал с горгульей и Каонэль, услышал, повернулся к ним.

– Я как раз собираюсь на охоту, – сообщил он. – Вам что принести?

– Я с тобой, – сказал Теонард. – На всех не наловишь, тут вон сколько голодных...

– Хорошо, – согласился Лотер. – Я кого не убью сразу, погоню на тебя. Будь наготове.

Теонард кивнул, они быстро пошли к лесу. Когда прошли половину пути, на землю упала плотная уродливая тень. Лотер скакнул в сторону, а Теонард упал и, перекатившись через голову, выставил в небо арбалет с наложенной стрелой.

Над ними прошла, широко растопырив крылья, горгулья. У самой кромки леса оставалась неподвижно в воздухе на уровне вершин деревьев, оглянувшись, едва-едва шевеля крыльями.

Теонард поднялся, буркнул зло:

– Она с нами.

– Почему всегда молчит? – поинтересовался Лотер. – Немая?.. Виллейн вон хотя бы шипит...

Теонард покачал головой.

– Стесняется.

– Чего-чего?

– У нее голос, – объяснил Теонард со смешком, – не совсем как бы женский... Гнусный такой, каркающий.

Лотер посмотрел на горгулью с сочувствием. Та все еще висит у края деревьев, поглядывает то дальше в лес, то вниз на двух Хранителей.

– Эй, – крикнул Теонард, – как тебя зовут?.. Да брось играть в молчанку, мы все здесь такие уроды, что самим в зеркало смотреть боязно и противно. Но мы команда!.. Сейчас команда из трех!

Горгулья сделала над ними полукруг, Теонард все же вздрогнул, когда с неба прозвучало резкое:

– Мелисс!..

Лотер крикнул в ответ первым:

– Прекрасное имя!.. Хоть и слишком женское, мягкое. А вот голос мне нравится больше. Настоящий голос, такой так важен в бою и в нашей нелегкой жизни!.. Теонард, стой здесь, а мы с Мелисс погоним зверей на тебя, успевай только стрелять!

– Успею, – заверил Теонард.

Лотер ударился о землю и превратился в огромного черного волка, намного более крупного и сильного, чем простые волки. На траве остались лишь портки. Теонард невольно отшатнулся, хотя уже не раз видел, как обращается полуживотное.

Он покосился в сторону, следом за ними спешит Страг и машет, чтоб подождали, арбалетчик махнул в ответ.

А горгулья громко каркнула, раскинула крылья шире и заскользила над деревьями, где вскоре исчезла за вершинками.

За день плато прогрелось, мир постепенно погружался в уютное вечернее тепло. Из леса донеслись чирикание и пение соловья, будто птицы даже не заметили, что совсем рядом бегают ворг и не менее опасный человек с арбалетом. К тому же небо контролирует горгулья, молчаливая и от этого еще более жуткая.

Спустя несколько часов на обрыве собралась стайка чаек, они уже устроили себе ужин и с довольным видом срываються вниз, заведя в воде рыбешку. Но возвращаться не спешат, потому что остальные птицы тут же бросаются догонять. Над морем крики и гам, иногда появляются темные крачки и умудряются выхватывать рыбу прямо из-под клювов.

Хранители разбились на группы и поглядывают то на море, то на лес. Наконец из-за деревьев показались Страг и Теонард, а на плече у Лотера большая туша. Над ними, грозно распахнув крылья, парит горгулья. В лапах тоже что-то большое, тяжелое, – Мелисс слишком уж часто работает крыльями.

Добычи хватило всем, за исключением огра, но тот просто не дождался возвращения охотников и сам отправился в лес.

Страг взялся за разделку добычи, мелкинд и гоблин помогали быстро и со знанием дела, умело орудуя ножами. Теонард успел заметить, что стараются как бы слишком, сами бы уже просто рвали бы когтями и жрали, но поглядывают на обворожительную эльфийку и робкую ихтионку, для этих слабых существ нужно приготовить как можно нежнее.

Тарнат ударил молотом по камню, на котором сидит и срезает с костей мясо Виллейн, брызнули искры и моментально воспламенили заботливо собранные Селиной щепочки, а заодно и кончик сапога мелкинды. Виллейн заорал и погрозил гному кулаком.

Каонэль поспешно отступила, не любит огонь, а тот со щепочек перекинулся на собранные толстые сучья, загудел, взметнулся ревушим пламенем.

Гнур тут же начал дожаривать в огне мясо, а мелкинд дождался, когда на его стороне толстые поленья прогорели, выбросил дымящиеся головешки, над раскаленными углями поджарил мясо на прутиках, а потом с поклоном первые два передал эльфийке и Селине.

– На здоровье!..

Каонэль ответила благодарно:

– Спасибо, очень мило...

– Спасибо, – пискнула ихтионка. – Виллейн, ты просто чудесно готовишь!

– Для вас все, – ответил Виллейн, – и даже больше. Всегда к вашим услугам.

Теонард взглядом указал Страгу на любезничающего мелкинды, Лотер перехватил взгляд и понимающе оскалил клыки. Никто не верит, что Виллейн подхалимничает лишь потому, что перед ним красивые девушки. Жаборотый старается склонить на свою сторону как можно больше Хранителей, ишь, самая высокая башня ему нужна, а харя не треснет...

Сам Виллейн быстро, как огонь в сухом лесу пожирает деревья, так же торопливо сдирает мясо с костей, глотал, почти не разжевывая, а кости бросал через плечо за спину.

Лотер сам с удовольствием отрывал крупные куски мяса и глотал, но для волка это норма, все потом допереварится, только Теонард и Страг да еще, к их удивлению, Гнур соблюдали хоть какие-то правила поведения во время общей трапезы.

Правда, горгулья сперва ела, как и Виллейн, но посмотрела на эльфийку и Селину, задержалась на какое-то время, а потом тоже начала отрывать по кусочку и жевать намного медленнее.

Теонард и Страг у костра оказались рядом. С другой стороны Теонарда над хорошо прожаренным бедром оленя трудится Тарнат, сосредоточенный и деловитый, он же солидный гном, а не какой-то мелкинд или, не к ночи будь сказано, гоблин.

Теонард вздохнул и сказал с неловкостью:

– Кому-то покажется, что я схитрил, первым постаравшись выхватить дар Талисмана. Но вы же видите, это не так, я почти бесхитростная душа. Однако у меня дворец, а у Страга ничего, хотя он тоже как бы человек, хотя и похуже, поглупее и покорявее...

Страг нахмурился.

– Но-но, полегче с такими шуточками!

– Почему тебе не пожить у меня? – спросил Теонард. – Пока маны не наберется, чтобы замок построить и для тебя. И вообще всех приглашаю. Не на дерево же вам карабкаться или в мрачные подземелья нашего дорогого и замечательного гнома?

– Ты потише насчет замечательного, – буркнул Тарнат, – я тоже обзывать могу. У меня не мрачные подземелья, а хоромы!.. Тот же замок, только вывернут вниз. И... ха-ха... впятеро крупнее, чем у тебя. Я же говорил, люди все дураки. Так что хватит гостевых комнат на всех. Даже гоблина могу приютить, не к ночи будь сказано.

Гнур сплюнул в его сторону.

– Да лучше утоплюсь!

– Селина спасет, – сказал Теонард серьезно. – Она добрая, всех спасает.

Селина тихохонько сказала милым журчащим голосом:

– А мне ничего не надо... У меня есть дорожка, которую сюда от моря прокопал милый тролль.

– Милый, – сказал Гнур саркастически. – Пряма лапочка. А я тогда какой?

– Еще одна песчаная жаба, – сказал Тарнат, опередив ихтионку. – Прости, Виллейн, он куда больше похож на жабу, чем ты, хотя и ты, конечно...

Виллейн сказал с нажимом:

– Ко мне спиной лучше не поворачивайся.

– Зато у тебя душа, – проговорил Тарнат. – Это важнее. А что мордой от жабы не отличить, то...

Он умолк, с интересом глядя, как Виллейна схватили за руки Страг и Лотер, а тот с рукоятками кинжалов в обеих ладонях пытается вырваться и броситься на гнома. Глаза бешеные, рот открывается и закрывается в гневе, делая его сходство с жабой еще очевидней.

– Ты лучше магией, – сказал с ухмылкой Тарнат. – Для настоящего оружия у тебя лапки кривые.

Селина отложила в сторону маленькую косточку, которая осталась от ее трапезы, и сказала с упреком:

– Тарнат!

Тарнат с виноватой ухмылкой развел руками.

– Ты права, признаюсь, перегнул с шуточками. Приношу извинения. Все мы сейчас нервные, дерганые, раз такой облом с Цитаделью. Виллейн, не злись!.. Можешь меня назвать каменной жабой, будем в расчете. Или возьми кость, догрызи. Хоть мяса там уже нет, но какой мозг, прям как у тебя, только больше...

Виллейн сплюнул в его сторону и отвернулся. Страг и Лотер отпустили его руки, он сунул кинжалы в ножны и пересел на другую сторону костра.

Теонард посмотрел на него, перевел взгляд на Страга.

– Извини, что у меня замок уже есть, – сказал арбалетчик, – хоть и не такой шикарный, какой замыслил себе ты. Зато тебя утешит, наверное, что у меня в так называемом замке совсем пусто. Даже стула нет, а спать придется на каменном полу без всяких матрасов и одеял.

Страг изучающе посмотрел на Теонарда. Совместная охота чуточку сблизила, но только чуточку, да и то по необходимости, а сейчас особой необходимости нет, хотя все же есть.

Глава 6

Оба в чем-то даже похожи: чисто выбриты, почти одинакового роста, разве что Страг выглядит покрепче, да еще уши чуть заостренные в память о матери-эльфийке, глаза у Теонарда серые, а у Страга зеленые, но эти мелочи не так бросаются в глаза, как размеры каменного тролля или внешность зеленого гоблина с его ярко-красным гребнем на макушке.

– Не столько утешит, – ответил Страг медленно, – но все же слышать приятно. Надеюсь, плащ у тебя тонкий.

– И даже дырявый, – подтвердил Теонард, поправляя края поношенной накидки.

К ним прислушался Лотер, жуящий огромный кусок перед Каонэль. Она что-то ему говорит негромко, а ворг кивает и иногда морщится, словно эльфийка чем-то пеняет, но таким, что и правда стыдно.

Отвернувшись от серой, Лотер неожиданно рыкнул суровым неприятным голосом, в котором отчетливо прозвучали волчьи нотки:

– У меня толстый.

Страг посмотрел на него с сомнением.

– И что, одолжишь?

– Он пока у эльфийки, но одолжу, – подтвердил Лотер.

Не выпуская лопатку оленя с большим ломтем мяса, ворг подошел ближе, сел бесцеремонно рядом и кивнул Страгу в сторону Теонарда:

– Он выбрал себе самых сильных противников, а мне такие отважные по нраву.

Страг спросил в недоумении:

– Это... каких?

– Солнечных эльфов, – ответил Лотер. – Он говорил, что когда-нибудь разделается с ними. Люди вообще-то самая молодая раса, больно наглая, дерзкая и живучая, что хорошо. Лезут во все дыры, все им надо, очень быстро плодятся. Захватывают новые земли...

Теонард вытер губы от жира и переспросил:

– Захватывают?

Лотер поправил себя:

– Заселяют. Пустоши и прочие заброшенные или непригодные для других места. Пока без столкновений.

Страг покосился на него, обтирая пальцы о бедра, и сказал с сомнением:

– Хочешь сказать, люди существа мирные?

Лотер поморщился.

– Просто для людей любое место пригодно, – сказал он. – Я же говорю, удивительно живучее и всеядное племя. Что можете взять без боя, берете.

– Хочешь сказать, – поинтересовался Страг, – когда-то эти места кончатся?

Лотер покачал головой.

– Такие места никогда не кончатся. Или на сто тысяч лет хватит. Так что люди пока никому не угроза.

Теонард скрипнул зубами, на лице заплесали тени от костра, а в голосе прозвучал гнев:

– Но нам угроза солнечные эльфы. Они нападают на селения с людьми, уводят в плен и превращают в рабов!

– Вот это мне в людях и нравится, – сказал Лотер. – Готовы драться и за тех, кто сам драться не может... или не догадывается, что драться надо.

Он устремил взгляд на запад, где сейчас чистое и мирное небо, потянул носом.

На море начался прилив, волны с настырным рокотом бьются о скалы, разлетаясь на сотни брызг. Вечернее солнце зависло над водой, от горизонта до самого плато разлилась золотая дорожка. Она колышется на волнах и дрожит крупной рябью.

Из леса слышно пение птиц, где-то далеко ревет лось, то ли вызывая противника на бой, то ли пытаясь привлечь самку.

Теонард бросил обглоданную кость на раскаленные угли, вытер ладони о траву.

– Принимаете?

– Что? – уточнил Страг.

Теонард поднялся, сделал широкий жест в сторону своей башни.

– Мое предложение?.. Пока вам не создадут что-то получше, поживите у меня. Стены все-таки есть. Даже крыша.

Лотер хохотнул, на миг показав острые волчьи зубы.

– Да, от ветра и дождя укроет!.. – проговорил он довольно. – А что, Страг, пойдем посмотрим? От твоего оленя уже только кости, пусть их дробит гном хоть молотом, хоть зубами. А мы посмотрим, поучимся, как не надо строить. Вон у тебя уши острые, как у волка, а это значит, либо умный, либо хитрый...

– Ладно, – сказал Страг после короткой заминки. – Посмотрим. Хотя я уже до мелочей продумал, каким у меня будет мой замечательный замок.

Теонард заулыбался с облегчением, пошел впереди, показывая дорогу, которой еще нет, но обязательно протопчут толпы почитателей.

Страг поглядывал на его башню с одобрением. Принадлежность к рыцарскому роду чувствуется, при всем том, что для башни не такая уж и высокая, стены плавно изгибаются, расширяясь книзу, а это значит, сброшенный с крыши валун не просто сметет взбирающихся, но и, раскручиваясь по такой стене, наберет скорость и прокатится вниз по земле, сбивая с ног и тех, кто только бежит к башне.

– Да и тараном бить под таким углом не получится, – сказал он с одобрением.

– Что? – переспросил Теонард.

– Хорошо башня поставлена, – сказал Страг, пропуская ворга вперед. – Твой род, как вижу, воевал и еще раз воевал.

Лотер первым быстро взбежал по ступенькам, с порога окинул взглядом просторный и пустой зал. Вообще ничего, кроме лестницы в правом углу, что уводит наверх, даже камина нет, не все продумал этот малоразговорчивый человек.

– М-да, – произнес он то ли задумчиво, то ли иронически, – суровая простота... Тебе бы родиться воргом!

Теонард сдвинул плечами.

– Не то чтобы я аскет, – ответил он нехотя, – но другого в жизни и не видел... Мой замок, если его можно было назвать замком, обветшал и разрушался, а отремонтировать некому, крестьяне давно ушли к более умелым... И вообще тот замок был скорее большим каменным сараем.

– Здесь тот же сарай, – согласился Лотер. – Но если мебелью заставить, будет и впрямь тесновато.

– У меня еще два этажа выше, – напомнил Теонард. – Даже три.

Лотер огляделся, взгляд остановился на Теонарде, будто впервые его увидел, спросил с недоумением:

– А где твой арбалет? Ты с ним и спал, как с женщиной!

Теонард ответил с некоторой высокопарностью:

– Я Теонард из рода Астарвардов, сын Мидшира и внук Гунтвига, который ведет род от самого Вильтенаара. И пусть я далекая и боковая ветвь, но, возможно, единственный оставшийся из этого великого рыцарского рода, прославленного великими подвигами и служе-

нием королевству. Потому отныне намерен упражняться только с мечом, боевым топором и моргенштерном. И, возможно, мне суждено возродить величие нашего рода.

– То-то от тебя потом несет, – сказал Страг с уважением, – как от моего коня после доброй скачки за оленем!.. Это хорошо, учись. Возьму тебя сторожить мне конюшню. Если, конечно, будешь стараться.

– Простолудин, – сказал Теонард с презрением. – Что ты понимаешь в благородных манерах?.. Все еще сопли кулаком вытираешь...

– Глупости, – возразил Страг, – как и ты, рукавом. А с копьем пробовал? Иначе какой ты рыцарь?

– Коня нет подходящего, – ответил Теонард мрачно. – Пока только простые рабочие лошадки. А как вы оба?

Лотер сдвинул плечами.

– Я что, созерцатель прекрасного, мне везде хорошо. Да и оружие не нужно, когтями и клыками управляюсь. Видали? Это мелкинд сразу засобирился в дальнейшее путешествие.

– Чего так? – спросил арбалетчик.

Ворг поковырял ногтем в зубах и ответил:

– Не терпится найти свое племя. Хотя я вообще-то не видел других мелкиндов. Или их нет вообще, или страшно далеко.

Теонард поморщился.

– А мне почему-то не хочется искать людей, хотя они и так везде попадают.

– Люди и муравьи плодятся быстро, – согласился Лотер. – Ладно, пойду посмотреть, как там у тебя выше. Вообще-то странные вы, человеки. Я вот всегда чувствую себя лучше в норе. Да чтоб поглубже.

– Я тоже, – ответил Теонард, – когда сплю. Такое кубло устраиваю!.. Зато с высоких этажей проще увидеть опасность... Занимай первый этаж, пока своего сектора еще нет. Неизвестно же, когда Талисман накопит маны, чтобы нарыть тебе норы.

– Норы не нужны, – ответил Лотер серьезно. – Я люблю землянки. И обязательно лесок... для начала.

– Для начала?

– Если мне удастся спасти мою принцессу, – ответил Лотер со странно тоскливой ноткой в голосе, – могут потребоваться и апартаменты, но пока только лесок и землянка. Но за предложение пожить пока здесь спасибо. Принимаю. Как ответный жест, позволю потом заглянуть в мою землянку.

Теонард засмеялся.

– Спасибо. Ладно, устраивайся, а я пойду разожгу огонь как бы в камине, которого пока нет, но будет же?

Арбалетчик отошел в другой конец зала и принялся ковыряться с птичьей клеткой. Открыл дверцу и подставил ладонь, в которой непонятно откуда взялось зерно. Птицы радостно заворковали, захлопали крыльями и принялись толкаться. Человек тихонько бормочет, отодвигая самых настырных, чтобы те, что дальше на жердочках, тоже могли клевать. Но те все равно лезут, наступая на головы собратьям, лишь бы добраться до самых крупных зерен, да побыстрее.

Страг поинтересовался вполголоса у Лотера:

– А чего он так носится со своими голубями?

Оборотень сдвинул плечами.

– Да всякое говорят... Леший его знает. То ли среди них его любимая женщина, то ли они все там его сестры и братья, превращенные неким могучим колдуном...

Страг сказал шепотом:

– Его женщина ушла к другому!

– Ого!

– Кто-то брякнул, что он постоянно пишет ей и посылает с голубями, хвастаясь подвигами и уговаривая вернуться.

Лотер хмыкнул.

– На этот раз ему в самом деле будет что сказать.

– Думаешь, женщинам бывает достаточно?

Теонард быстро покормил голубей и переместился в другой конец помещения. Достаточно умело развел костер из груды хвороста, пол и стены каменные, пожара не будет, а ночь обещает быть холодной.

Лотер за это время рухнул там, где стоял, свернулся в огромный клубок и моментально уснул, а Страг, подумав, направился к Теонарду, что все еще сидит на корточках у огня и протягивает к нему ладони.

– Ну что, – сказал он, – Теонард из рода Астарвардов, сын Мидшира и внук Гунтвига...

Теонард, не поднимаясь, потемнел лицом и спросил через плечо:

– И что?

– Если, – проговорил Страг многозначительно, – ты в самом деле из старинного рыцарского рода...

Теонард буркнул:

– Слишком старинного. От которого ничего не осталось.

– А имя? – спросил Страг. – А честь рода?.. Знаю, никогда не попросишь, но могу помочь освоиться с мечом и секирой, без которых рыцарь не рыцарь. Арбалет, сам знаешь, оружие простолюдинов... Хочешь?

Теонард хотел привычно отказаться, но пересилил себя и сказал тихо:

– Только если не слишком рассказывать.

– Ни слова, – пообещал Страг. – Такое дело не терпит шуточек. Ты обучишься быстро. У тебя есть сила и скорость, хороший глазомер, дерешься ты отважно, но расчетливо. Осталось только разучить пару нехитрых приемов.

Теонард поднялся, взглянул в жестокое лицо Страга с его перебитым носом и удивительно зелеными глазами.

– Сложных?

Страх покачал головой.

– На мечах вообще-то не фехтуют, как считают дураки. Мечи не кинжалы, а вот пару приемов в начале схватки нужно знать накрепко, иначе тебя ничто не спасет. Снимай мечи со стены!

Теонард спросил с надеждой:

– Начнешь сейчас?

Страг ответил с мрачным весельем:

– Это и есть отдых!.. Не на диване же лежать?.. А выспаться успеем!

Глава 7

Каонэль, еще когда ели оленя, выказывая хорошие манеры, ела спокойно и с достоинством, а поднялась почти сразу за Лотером, Теонардом и Страгом.

– Спасибо, – сказала она всем, – было очень вкусно. Всем спокойной ночи!

– И тебе хороших снов, – громыхнул Грагрх издали. Он в поедании оленя не участвовал, но вроде бы слушал, о чем говорят у костра. – И всем тоже...

Он умолк на полуслове, явно погружается в крепкий сон каменных исполинов, о которых складывают легенды, Каонэль пошла в сторону своего дерева, а Тарнат, выждав для приличия пару минут, поднялся и двинулся на нее, быстро сокращая расстояние.

Некоторое время просто шел следом, отстав шагов на пять, с удовольствием рассматривал гибкую фигурку на длинных стройных ногах, такую необычную в сравнении с коротконогими и мясистыми гномками.

Она услышала его нарастающее сопение и резко оглянулась.

– Ой, это ты, Тарнат?... А мне показалось, какой-то вонючий козел меня догоняет! Вдруг боднет в спину!

– Не бодну, – заверил Тарнат, спохватился и уточнил: – А почему козел?

– Запах, – сказала она поспешно, – как от старого козла. Прости, я очень чувствую запахи, почти как ворг... Нравится мое дерево?

Он перевел взгляд на исполинское дерево. Ствол толщиной почти с башню Теонарда, но выше раз в десять, а там дальше все закрывает масса ветвей с настолько красно-оранжевыми листьями, словно уже поздняя осень.

– Красиво, – сказал он с натугой, хотя что там красивого, дерево как дерево, но женщинам нужно говорить нужные им глупости и ни в коем случае не спорить с их дуростью. – Такое... в общем, деревянное как бы... И ветви вон там, ветви... Только почему дерево? Ты же не лесная!

– Не знаю, – ответила Каонэль потерянно. – Может быть, я в самом деле лесная? А может, еще какая. Деревья люблю...

– Деревья все эльфы любят. Хотя темные, говорят, все в Великом Разломе живут, под землей. Только их пять тысяч лет уже не видели, – сказал Тарнат знающе. – Но у лесных кожа зеленее, а уши хоть такие же острые, но шире, глаза крупные, но не такие сияющие, а у тебя как две утренние звезды.

Каонэль покачала головой, но сказала польщенно:

– Ну уж, как две звезды...

– Точно-точно, – заверил Тарнат. – На кого посмотришь вот так, тот сразу за сердце хватается.

Каонэль спросила обиженно:

– Я что тебе, горгона?

– Горгона превращает в камень, – сказал Тарнат, – а ты одним взглядом своих необыкновенных глаз можешь тот камень снова оживить. Это так здорово, когда ты есть в нашей вообще-то грубой мужской компании.

Каонэль сказала с упреком:

– Ты забыл про Селину. Она очень хорошая, я ее люблю.

– Я тоже, – ответил Тарнат. – Но она вообще-то рыба. А ты теплая, даже горячая... как вот мне кажется. Дай потрогаю?

– Но-но, – сказала Каонэль строго, – думай о том, как нам всем оживить Талисман и больше не делать таких ошибок!.. Сила Талисмана совсем не бесконечная. Чародей сказал, расходовать нужно бережно и точно.

Тарнат сказал лихо:

– А как же безрассудство молодости?.. Бездумная отвага и все такое?.. Зачем быть все время рассудительным, почему не дать себя увлечь беспечным и безудержным страстям...

Каонэль сказала строго:

– Своим страстям воли не даешь, судя по тому, что отхватил себе самый просторный замок!

Тарнат ухмыльнулся.

– Страсти одно, выгода – другое. Мы, гномы, любим уходить в загулы и запои, но выгода для нас превыше!

Она остановилась у красиво оформленного входа в Дерево, что вообще-то дупло, но если остроухая женщина считает, что это парадный вход, то да, это прекрасный парадный вход, с женщинами лучше не спорить, все равно перекричат.

– Спасибо, Тарнат, – сказала она, – что проводил. Спокойной тебе ночи!

– И тебе, – ответил он с заминкой. – Хотя у меня будет беспокойная.

Она спросила участливо:

– Что случилось?

Он огрызнулся:

– А о судьбах мира кому думать?.. Иди спи.

Эльфийка, оглянувшись, улыбнулась так ослепительно, что засветились глаза, послышался легкий смешок, и Каонэль скрылась в темноте дупла.

Горгулья провела ночь по приглашению эльфийки на ее дереве, Селина залегла на дно своего крохотного бассейна, а у костра остались на ночь только Виллейн и Гнур с Булуком.

Тарнат, что не выносит и на дух гоблинов, не захотел оставаться в компании отвратительного Гнура, шагнул от костра в темноту, и вскоре шелест его шагов оборвался, словно гном отыскал щель в земле и ушел вглубь в свои роскошные и обширные апартаменты.

Когда на востоке посветлело, а над темным краем земли робко показалась алая полоска, у погасшего костра с покрытыми серым пеплом углями все еще спали Виллейн, Гнур и Булук, да в сторонке высилась каменная громада Грагрха, грозная и пугающая.

Горгулья слетела с верхушки дерева, сделала круг, резко и отвратительно громко каркнула.

Гнур пробормотал с тоской, не раскрывая глаз:

– Ну что за мерзкая ворона...

Горгулья каркнула громче, никто у костра не шелохнулся, только Гнур прошипел сквозь зубы:

– Как бы ее заткнуть...

Выждав немного, горгулья крикнула тем же резким, неприятным голосом:

– Едут!

Виллейн зашевелился, привстал, еще не раскрывая глаз.

– Кто?.. Где?.. Куда?

Горгулья, не отвечая, сделала полукруг, двумя мощными взмахами крыльев вскинула себя высоко в небо, а там опустилась на край башни Теонарда и замерла, словно резное украшение из камня.

Виллейн наконец разлепил глаза, все еще сонные, повертел головой. Вдали разрастается облачко пыли, он насторожился, всмотрелся внимательнее.

Цитадель с самого начала расположили в удачном месте: лес далеко, болота тоже, во все стороны ровное, как столешница, плато. Даже не располагая острейшим зрением ворга или горгульи, он замечал всякого рода зверьков, но сейчас в их сторону быстро двигаются совсем не зверьки, еще как не зверьки, а довольно опасные звери.

– Люди, – проговорил он и ощутил, как его тщедушное тело начало наливаться угрюмой злобой и становиться по тяжести почти равным человеческому, – на конях!

Гнур наконец поднялся, встревоженный словами Виллейна, встал рядом и тоже начал всматриваться, рядом с мелкином еще ниже ростом, хотя и намного массивнее, шире, но такой же злой и настороженный, как Виллейн.

– Целый отряд, – сказал Виллейн полувопросительно.

– Не меньше сотни, – буркнул Гнур. – Ты людей вроде бы не любишь?

Виллейн ответил уклончиво:

– Я вырос среди них. Видел всяких. Для меня это не масса людей, а разные люди.

– А-а-а, – сказал Гнур, не сразу поняв, – ну да, я тоже по-разному. Среди них есть с характером нашей милой ихтионки, а есть и с твоим...

– Ну спасибо, – отрезал Виллейн. – Когда-нибудь прирежу тебя с огромным удовольствием.

– У меня шкура толстая.

– Тогда не пожалею пару амулетов и сожгу магией. Получатся добротные сапоги.

Пыльное облачко разрослось до облака, начали поблескивать крохотные искорки. Мужчинам объяснять не нужно, и так выдают себя металлические шлемы и заклепки на конской сбруе.

Из башни на их встревоженные голоса вышли Теонард и Страг, оба с мечами в руках, усталые и вспотевшие. Страг приложил ладонь козырьком к глазам, а Теонард бросил меч в ножны, нырнул обратно в башню и вернулся с арбалетом.

Остальные Хранители рассредоточились, даже Селина выбралась из своей ванны, которую называет бассейном, села в сторонке на камень и положила на колени трезубец.

Всадники с самого момента, как их заметили, мчатся в сторону Цитадели прямо, что говорит о их силе и нежелании замечать препятствия в виде низин, пригорков или россыпи камней, это должно подчеркивать их героизм и беспримерную отвагу.

Теонард и Страг переглянулись, первыми заметили приближение чужаков, им и встречать, так же разом вышли навстречу.

Всадники начали придерживать коней, вперед выдвинулись двое одетых лучше остальных, шлемы металлические, кольчужные рубашки до колен, по обе стороны седла щит и длинный меч, хотя на поясе еще и по сабле с изогнутым лезвием. Остальные в шкурах мехом наружу, пусть даже день солнечный, теплый, но воины опять же знают, что так одеваются для защиты, никакое лезвие не прорубит толстый ворс.

Передние всадники что-то прокричали, отряд остановился, а они двое уже шагом продвинулись к людям впереди, остановили коней, с интересом рассматривая как башню Теонарда, так и гигантское дерево рядом.

К Теонарду и Страгу подошел Лотер, лохматый и взъерошенный, все трое в свою очередь всматривались в прибывших конников. У всех одинаково злые лица с жидкими бородами, но исполненные такой спеси, что Теонарду сразу захотелось втоптать их в землю. Смотрят свысока, что нетрудно с высоты конских седел, хотя вообще-то лошадки мелкие, лохматые и явно диковатые, а сами всадники тоже выглядят дикими и необузданными, что может быть правдой, но может и быть расчетом, чтобы их боялись и уступали.

Один из всадников, что заметно моложе спутника, вскинул руку.

– Темирган, – представился он. – Сын вождя и сам вождь могучего и непобедимого племени аягунов. Командую всеми мужчинами, способными носить оружие и сражаться. А это Керкулейн, мой советник и великий шаман.

Лотер, опережая Теонарда и Страга, прорычал громко и мощно:

– Приветствую вас, Темирган и Керкулейн. Чем можем быть полезны?

Темирган нахмурился, сказал с вызовом:

– Вы забыли назваться!

Лотер ухмыльнулся, показав острые клыки.

– Вежливость никогда не была моей сильной стороной. Исправляю ошибку, я – Лотер.

Темирган выжидающе молчал, ожидая продолжения, а шаман сказал негромко, но в его голосе Лотер уловил изумление:

– Это ворг. Да, они не отличаются вежливостью.

Темирган дернулся.

– Что? Даже не простой оборотень... а из тех, кто может превращаться во что угодно?

Лотер смолчал, а шаман окинул зорким взглядом тех Хранителей, что остались на виду.

– Странные существа, никогда не видел их вместе... Вон там вроде бы выход в шахты гнома, мелкинд у костра... а еще гоблин... в самом деле гоблин, никогда бы не поверил, что он окажется с гномом и людьми... которых ненавидит. Если он, конечно, правильный гоблин.

Лотер перебил:

– Ты не заметил с нами человека с арбалетом, а он никогда не промахивается. И его стрелы достигают любого на любом расстоянии.

Темирган и шаман повернули головы в сторону Теонарда, а в это время с вершины башни спланировала, широко распахнув страшные черные крылья с когтями, Мелисс и, хищно улыбнувшись гостям, села у костра на самый высокий камень.

Лотер сказал безучастно:

– Эта милая девушка может поднять и унести всадника вместе с его конем. Там чем можем помочь?

Шаман молча взглянул на Темиргана, а тот красиво выпрямился в седле и, раздвинув плечи, сказал громко:

– Вождь племени аягунов, на землях которого построено это уродливое сооружение, милостиво готов принять его в дар и даже сохранить жизни тем, кто его возвел.

– Мы польщены, – пробормотал Лотер мрачно.

Вместо Темиргана ответил шаман:

– Сооружение явно не закончено, вон там для других частей намечены места... Размах у вас просто невероятный. Но недостаточно силенок? Или что-то еще?

Сволочь прозорливая, мелькнуло зло у Лотера. Как быстро все схватывает...

– Священные дни праздника, – ответил он с величавым достоинством. – В это время у нас нельзя работать. А потом возьмемся и закончим.

– А сколько ваш праздник длится?

Лотер ощутил, что его загоняют в ловушку, ответил величаво медленно и с подчеркнутой торжественностью:

– Только жрецы знают, сколько дней будет длиться в этом году. Но даже они не знают, сколько возжелают боги в следующем.

Шаман ехидно ухмыльнулся.

– Прекрасно. Если не работаете, то и не воюете, верно?

Лотер с ходу не нашелся что ответить, но с великим достоинством издали отозвался Теонард:

– Не воюем, верно. Но если враг нападет, по завету богов вольны защищаться.

– И даже обязаны, – подтвердил Лотер.

– У вас хорошие боги, – сказал шаман. – У нас тоже. Посмотрим, чьи боги лучше.

Ворг поинтересовался:

– Вы хотите напасть?

– Нет, – ответил за шамана Темирган, он улынулся несколько зловеще. – Наш народ растет быстро, ему нужны новые земли. Только и всего.

– У нас не новые, у нас старые.

– Для нас новые, – уточнил Темирган.

– Попробовать захватить уже занятые земли, – сказал Лотер мрачно, – большой риск.

– Риск, – согласился Темирган, – но племена, которые боятся рисковать, вымирают сами по себе. Без чужой помощи.

– А кто рискует, – сказал Лотер, – могут, конечно, захватить земли соседей, но что, если сами в боях потеряют большую часть племени?..

Темирган отмахнулся.

– Мужчины рождаются для битв и красивой гибели!.. Но в тесноте детей рождается меньше, а на просторе больше... Через два-три поколения племя станет втрое сильнее и многочисленнее!

Страг сказал мрачно, но уважительно:

– Мудрые мысли. В вашем племени немало умных людей, верно? Даже странно, что воюете. Был рад с вами пообщаться. Надеюсь, погибнете в этой затее не все. Не хотелось бы, чтобы такой отважный народ исчез полностью. Для будущих поколений нужны примеры отваги и мужества.

Темирган ухмыльнулся.

– Они будут!

– Уверен в этом, – ответил Лотер вежливо.

Темирган, работая поводом и пятками, заставил коня попятиться к своему сопровождению, а шаман просто повернул лошадь и вернулся к остальным.

Хранители с тревогой смотрели, как Темирган свободной от поводьев рукой сделал прощальный жест.

– Трое суток! – прокричал он. – Через трое суток вы или сдадитесь и войдете в наш народ, либо умрете!

И весь отряд с гиком унесся в залитое солнцем пространство.

Глава 8

Горгулья, которой сверху виднее, отыскала Булука на охоте, вытащила из дупла все еще сонную Каонэль, а Тарнат выбрался из своего подземного дворца сам, с непониманием смотрел на встревоженных Хранителей.

– Да что стряслось?.. Вы чего все такие... интересные?

Гнур сообщил со злорадством:

– Скоро у тебя твой дворец отберут! А тебя либо прибьют, либо подметальщиком в нем оставят.

– Не оставят, – сказал Виллейн. – Прибьют. Я бы точно прибил.

Гнур прищурил уже не только левый, но оба глаза, с довольным видом пригладил гребень на макушке. Тот чуть отклонился и тут же выпрямился на место, словно сделан не из волос, а жестких прутьев.

– Да, прибьют, – проговорил гоблин. – Гномы слишком жадные, хитрые, толстые. Да и вообще противные. Я бы тоже прибил.

Лотер рыкнул издали:

– Эй там!.. Все сюда. Надо думать, что делать.

Тарнат сказал злорадно, поглаживая курчавую бородку:

– Это вам надо. Я закроюсь так, никто и входа не отыщет. А что стряслось?

Подожли Булук, Каонэль, появилась еще мокрая с головы до ног Селина. Костер почти догорел, остались лишь слабо тлеющие угли, мелкинд быстро подбросил пару веточек, на всякий случай. Языки огня робко лизнули сухое дерево, но через пару секунд поползли по всей длине.

Лотер сказал нетерпеливо:

– Все расселись?.. Над нами угроза. Думаю, нешуточная. Пока мы жили, как жили, нас не замечали, а сейчас вот на виду!.. Кочевники либо приберут к рукам, либо уничтожат. У нас всего трое суток, чтобы как-то подготовиться.

– К драке или к бегству? – спросил Гнур быстро.

– Что решим, – рыкнул Лотер, – то и будет.

Каонэль переспросила:

– А почему трое суток?.. Сами тугодумные или считают нас такими?

Лотер поморщился.

– Наверняка это высланный далеко вперед дозор. Основные силы будут подходить еще двое-трое суток. Вот тогда нам уже ни минуты не обломится.

Селина жалобно сказала тоненьким голоском, полным надежды:

– Хорошо бы, чтобы осколки Талисмана набрали достаточно мощи... Мой трезубец уже впитывает, но пока мало.

– Дуракам везет, – ответил Виллейн с двусмысленной улыбкой. – И если мы дураки, то Талисман успеет накопить маны.

Каонэль взглянула на него сердито.

– Не хочу быть душой, – сказала она с достоинством.

– Почему? – изумился Виллейн. – Это так здорово и мило!.. К тому же дураков жалеют и защищают...

– Да?

– Женщин, – уточнил Виллейн. – На руках носят. А на шею и сами сядут, не совсем же дуры?

Каонэль обиженно отвернулась к Лотеру, а тот сказал серьезно:

– Ты права, Каонэль, нужно думать, как защититься. Кочевники не страшатся нас, какими бы мы ни были сильными, но сама понимаешь... когда сотня на одного, какой героизм устоит? А их могут явиться тысячи.

– Три дня, – сказал Страг мрачно. – Мало- вато.

На землю пала огромная и густая тень, а скрипучий голос горгульи донесся, как глас самого неба:

– Будем драться.

Сутки прошли в тупом и тоскливом ожидании беды, только Теонард и Страг уединились в башне, где Страг обучает Теонарда эффективным приемам боя на мечях и топорах.

Ворг пару раз отлучался в лес, всегда возвращаясь с обглоданной костью в зубах. Но лицо хмурое, а не довольное, как обычно после охоты. В конце концов ему надоело изображать деятельность, он лег под эльфийским деревом и уснул чутким сном зверя.

Утро второго дня началось так же невесело и тревожно, однако Виллейн, как самый быстрый и наблюдательный, первым увидел, как в западной части неба появилась темная тучка, пошла стремительно разрастаться.

Моментально все сообразив, он заорал ликующе:

– Держите шляпы!

Ледяной северный ветер ударил тугой ладонью, прижал к земле, но тут же исчез, войдя в землю, а в центре, где был вихрь, распрямился чародей, все в том же длинном плаще и с капюшоном, надвинутым по самые брови.

– А-а-а, – сказал он с удовлетворением, – хорошо, что не разбрелись собирать грибы. Здесь их много, знаете?

Лотер, первым прибежавший на крики мелкинда, посмотрел на него почти враждебно, хотя и сам втайне надеялся, что вот появился чародей и всех спасет. Но за такие мысли стало стыдно, человек и волк оба должны надеяться только на себя и на поддержку своей стаи.

Следом подбежал Гнур, он торопливо пригладил слегка растрепавшийся под ударом ветра гребень, жалея, что не костяной, тот бы ничем не шелохнуло.

– Не вижу причин для торжества, – огрызнулся он язвительно, – мы почти передрались, но, думаю, это только начало славного и кровавого пути побед и потерь.

Чародей улыбнулся еще шире.

– Начало содружества бывает и таким.

Гнур смолчал, отвернулся, а Лотер сказал с сомнением:

– Правда?.. Странно как-то... Какую гадость принес на этот раз?

– Великую радость, – заверил чародей. – Вот-вот подойдут новые Хранители...

Лотер оглянулся.

– Где?

– Идут, – заверил чародей. – Уже скоро. Последний осколок разбился еще на несколько, совсем мелких... Их отыскиали, уже несут. И Кристалл... Талисман наконец-то будет здесь весь.

Со всех сторон подходили остальные, даже немногословная горгулья прилетела и опустилась на глыбу камня, вцепившись в него острыми и крепкими когтями.

Теонард спросил с настороженностью:

– Кто придет из новых?

– Горгона, – ответил чародей, – гарпия, банши, тахаш и амазонка... ах да, еще птеринг...

Теонард сказал с опаской:

– Горгона?.. А не превратит нас в булыжники?

Чародей покачал головой.

– В камень могла только одна из горгон, Медуза. В образе жеребца ее изнасиловал Посейдон, старший брат Зевса, и у Медузы от омерзения и оскорбления застыло в глазах такое горе, что всякого, на кого посмотрит, превращала в камень. А все остальные горгоны такие же, как и Медуза, красивые и милые девушки.

– И никого не превращают? – спросил Теонард.

– Никого.

– Жаль, – ответил Теонард.

Чародей воззрился на него в изумлении.

– Почему?

– Можно бы послать охранять периметр, – пояснил он. – А в ожидании битвы с кочевниками... да-да, есть тут такие, вообще в первый ряд!

– Сволочь этот Посейдон, – буркнул Страг. – Из-за него столько героев погибло! Да и простой народ тоже чуточку жалко.

– Нужно знать, – сказал Тарнат наставительно, – кого насиловать!

– А как узнать? – спросил Страг с надеждой.

Тарнат вздохнул, сдвинул плечами.

– Да никак. Приходится идти на риск.

– Дело того стоит, – подтвердил Теонард знающе. – Хотя вообще-то одному из моих друзей такая вот, пока он ею лакомился, всадила нож под ребра. Да так точно, что моментально... Пришлось семье сказать, что отважно и доблестно погиб в бою, защищая знамя короля.

Каонэль подозрительно покосилась на Теонарда, пробормотала с озабоченностью в голосе:

– Горгона ладно, но вот банши... Разве ее появление не предвещает смерть?

Чародей ответил с непонятной усмешкой:

– Только если плачет.

Страг посмотрел на эльфийку, бросил взгляд на ихтионку и сказал рассерженно:

– Женщины всегда найдут повод поплакать!

Лица у всех стали встревоженными, мелкинд даже отступил, словно банши вот-вот вылезет из складок плаща чародея.

Солнце закрыла небольшая тучка, робкая и прозрачная, но и еехватило, чтобы хранители поежились, словно их выгнали на снег в морозное утро.

Лотер пробормотал:

– Значит, не нужно доводить их до слез... Вообще-то в каждой женщине есть малость банши, но с нами будет, если верить этому сомнительному чародею, настоящая!.. И давайте сделаем так, чтобы приносила смерть нашим врагам, а не нам.

– Легко сказать, – буркнул Страг. – Ты знаешь, что на уме у женщин?

Лотер сдвинул плечами.

– Этого никто не знает.

– Вот-вот!..

Тарнат подумал, сказал нерешительно:

– Мне кажется, если с женщиной обращаться ласково, как с домашней козой, то какие трудности?

– А есть козы в подземельях? – поинтересовался Лотер. – Тоже мне специалист... Задирать юбки женщинам и обращаться с ними – не одно и то же. Это еще те козы!.. Амазонка тоже коза. А кто такой тахаш? Вообще-то слышу впервые, а я много чего слыхивал.

Он посмотрел на остальных хранителей с затаенной усмешкой, дескать, и о вас слышал, но можете не трепетать, никому не расскажу о ваших омерзительных пороках и тайнах.

Чародей оглядел обращенные к нему лица.

– Тахаш, – проговорил он. – Сколько бы вы тут ни спорили насчет древности своих рас, но их время – короткий миг в истории тахашей...

Виллейн потер подбородок с видом мудреца и пробормотал:

– Тахаши?... Даже я, а я не какой-то рыскающий по лесам волчара, не слышал. А я почти по всем городам и весям побывал.

– Они исчезли давно, – ответил чародей, глядя в сторону моря. – Очень давно. Еще до появления человека. Потому я так удивился, узнав, что один из великих пророков в сорокалетнем странствии через пустыню видел одного.

– Тахаши, – повторил Виллейн требовательно, – где живут?

Чародей ответил терпеливо:

– Никто не знает. А тот, что идет, уже тогда был единственным. Он все еще живет тысячи лет после полного исчезновения тахашей.

Лицо его стало отстраненным, словно прислушивается к некому далекому зову. Белый набалдашник посоха сверкнул, борода колыхнулась от ветра, словно змея, полы мантии чуть раскрылись, делая чародея похожим на гигантскую птицу. Хранители рядом с ним затихли, а он, выйдя из оцепенения, сообщил:

– Уже близко!

– Ты их сюда направил? – спросил Тарнат враждебным голосом.

– Как и вас, – напомнил чародей. – Не ревнуйте, у них совсем мелкие осколки. Талисман разбился на одиннадцать частей, а последний еще на шесть.

– Значит, им место у порога, – сказал быстро Гнур. – На тряпочке!

– Не жадничайте, – сказал чародей с укором.

Тарнат закричал.

– Жадность, – возразил он, – это хорошо. Это недостаток, достоинство, величие и богатство рода. А также вечная непроходящая... или непреходящая ценность, на которой держится мир!

Лотер посмотрел на чародея грозно, будто тот если не предал, то точно замыслил что-то недоброе, и прорычал враждебно:

– А почему они только сейчас?

– У вас у всех одинаковые осколки, – пояснил чародей, – ну, такое свойство Талисмана... Но один разбился еще раз, совсем на мелкие кристаллики. Вот их так долго и собирали.

Гоблин сжал кулаки и сказал запальчиво:

– Цитадель мы уже создали... хоть и снесли потом, а сейчас строим поточнее и получше! Все без них, все без них! Так что их место, как уже сказал, у порога на тряпочке.

– И никаких им залов, – добавил Виллейн.

Тарнат, Лотер и остальные громко заговорили, чародей видел на их лицах раздражение, злость и нежелание допускать еще кого-то в их круг победителей, которые только-только приступили к дележу богатой добычи.

Он наблюдал с грустной улыбкой, сколько жадности и нежелания допустить других к кормушке, наконец проговорил рассудительно:

– Вы не останетесь здесь одни, как вам сейчас кажется.

– Почему? – спросил Гнур.

– Вам придется, – пояснил чародей, – заботиться не только о своих сородичах, что понятно, сперва вы сами, потом семья, затем – соотечественники, но потом...

– А что потом? – спросил угрюмо Тарнат.

– Потом тоже соотечественники, – ответил Виллейн за чародея резким голосом. – Чего я буду заботиться о людях, что расплодись по всему миру, когда род мелкиндов угасает?..

О людях позаботятся Теонард и Страг, хотя оба не совсем люди, а я все отдам, чтоб мелкинды выжили и снова начали править миром!

Горгулья, обычно помалкивающая, вдруг каркнула:

– Мелкинды не правили.

На нее оглянулись с изумлением, а Гнур сказал почти дружелюбно:

– Смотрите, ожила!

– Много эти пернатые понимают, – огрызнулся Виллейн. – Мое замечательное чутье говорит, что правили! Мелкинды не могли не править, так как вы все были дикими и жили в пещерах, а мелкинды уже строили прекрасные города! Я сам это видел собственными глазами в своих ниспосланных свыше видениях в глубоких снах.

– Пить надо меньше, – буркнул Страг.

Горгулья долго сидела неподвижно, затем снова каркнула:

– Мы не пернатые.

Глава 9

Чародей повысил голос:

– Вот так, вместо обсуждения важных дел, будете уходить в сторону личных проблем, это так легко, и кончитесь, как Недохранители. А могли бы стать самой великой силой на свете!

Гнур переменился в лице, глаза хитро заблестели, он сказал быстро:

– Ну-ну, говори, как нам стать самой великой и грозной силой в мире!

– И нещадной, – добавил Страг.

– И всесокрушающей, – уточнил Тарнат и любовно погладил рукоять тяжелого молота. – Обожаю крушить.

Чародей окинул всех тяжелым взглядом и вздохнул.

– Похоже, из вас в самом деле ничего стоящего не выйдет. Я почему упомянул о тахаше? Вам придется стать в чем-то похожими на него. Попытаться стать, потому что вам по-настоящему стать намного труднее.

– А что с тахашем? – спросил Теонард. – У него не о ком заботиться?

– Схватываешь быстро, – сказал чародей потеплевшим голосом. – Ты не совсем дурак, верно? Ну да, ты много страдал, а это обостряет разум... Когда раса тахашей ушла с лица земли, последний тахаш несколько тысяч лет просто скитался, прошел весь белый свет вдоль и поперек, все перепробовал, а в конце концов пришел к выводу, что жизнь не бессмысленна, если заботиться вообще обо всех, а не только о своей расе.

Судя по лицам Хранителей, эта мысль никогда не приходила в голову, да и вряд ли придет, с какой стати заботиться о других, когда есть я, единственный и самый лучший, а еще всякая родня и соотечественники?..

– Эх, – сказал чародей с тяжелым вздохом, – вы все еще недопонимаете, что все то, что считаете великим препятствием для вашей работы, на самом деле является... как думаете?

– Ты прав, – сказал Гнур язвительно. – Какое это препятствие? Это повод для драки!

Чародей обвел взглядом сердитые лица.

– Что, и вы так думаете?.. А может быть, то был великий замысел... нет-нет, не мой, я не настолько хорош, а замысел всей вселенной?

Каонэль откинула серебряный локон с плеча и сказала быстро:

– Говори быстрее, пока мы не передрались! И тебя заодно не прибили!

– Да вы посмотрите на себя, – напомнил чародей. – Гоблины и тролли ненавидят друг друга, мелкинды не любят тех и других, но когда осколки Талисмана попали к Гнуру, Тарнату и Виллейну... это о какой возможности говорит?

– Возможности подраться, – сказал с убеждением Лотер.

– Необходимости, – уточнил Страг.

– Зачем драться? – пискнула ихтионка. – Можно не разговаривать, не здороваться, не замечать друг друга, только и всего! И никаких драк.

Чародей помолчал, оглядывая заволновавшихся Хранителей, каждый спешит высказать свое не просто мнение, а твердое убеждение, даже горгулья не выдержала и что-то каркнула, резкое и сиплое.

– Еще не поняли, – проговорил наконец чародей с заметным разочарованием, Хранители начали умолкать и повернулись к нему. – Еще бы, каждый думает только о себе... ладно, кто-то уже и о своих сородичах.

– Я о них в первую очередь, – заявил Виллейн. – А себе высокую башню хочу только потому, что с ее вершины легче о них заботиться!

Чародей сказал успокаивающе:

– Хорошо-хорошо, ты заботиться начал первым.

– И единственным!

– И пока единственным, – согласился чародей. – Потом начнут и другие. Когда сами нажмутся, тогда и они слегка подумают о своем народе... Так вот, всех вас ждет неприятный сюрприз, который таит в себе просто невероятные возможности!

Все слушали заинтересованно, а горгулья, чтобы не пропустить ни слова, мощно взмахнула крыльями и подлетела ближе. Каонэль вздрогнула, напряглась, рука дернулась к рукояти меча, когда полукаменная громада опустилась рядом и тут же словно окаменела, однако сумела выдавить улыбку и сказала непривычно счастливым голосом:

– Мы женщины и должны держаться вместе! А то мужчины разрушат мир.

Чародей бросил на нее острый взгляд, Каонэль ощутила, что старый мудрец мало того, что каждого читает как раскрытую книгу, еще и не пропускает ни слова, ни жеста, ни интонации этих галдящих существ.

– Эльфийка сказала почти мудро, – произнес он звучным голосом, все умолкли. – Да, почти. Но к этой мудрости требуются поправки и уточнения.

Она сказала настороженно и чуточку обиженно:

– Какие? Я же умная, а еще и красивая...

– Вместе должны держаться, – уточнил чародей, – а также работать все. То, что осколки у разных рас, доказывает, что нет рас слабых, глупых или никчемных!.. Если передеретесь, то мир, может быть, и не рухнет, даже не заметит, но если начнете сотрудничать – это всему миру счастье!

Теонард покачал головой, лицо потемнело, а брови грозно сдвинулись над переносицей.

– Полное счастье будет, – сказал он тяжелым голосом, – если перебить всех солнечных эльфов, что держат людей в рабстве!

– И гномов, – добавил быстро Гнур.

– Гоблинов так вообще всех под корень, – заявил Тарнат. – И тогда да, счастье!

Виллейн сказал громко:

– Мелкинды не такие кровожадные, а даже совсем милосердные. Нам для полного счастья нужна всего лишь власть над всеми расами! И тогда везде будет мир и довольство. И все будут петь только наши песни.

Чародей покачал головой и вздохнул.

– Великий Замысел под угрозой, – пробормотал он. – Можно даже сказать, трещит... Но, наверное, Создатель Нашего Мира предусмотрел и послал внешнюю угрозу, чтобы либо сплотились в борьбе, либо все рухнуло и он взялся создавать другой мир с другими расами... Или в этом же мире, чтобы не заморачиваться, выдвинет те расы, что сейчас где-то в кустах или на окраинах.

У Лотера даже шерсть вздыбилась, а изо рта выдвинулись клыки в палец длинной.

– Ну спасибо, – прорычал он люто, – добрый у нас Создатель.

– Когда дело не движается, – пояснил чародей, – его нужно тащить. Даже с риском оторвать голову. Говорят же, дурной головы не жалко?

Виллейн, внимательно слушающий каждое слово чародея, сказал с вызовом:

– Мне их головы тоже не жалко. Можем и поотрывать. Начиная с гоблина и тролля. А эльфов оставим. Они хоть и бесполезные, но красивые.

На горизонте появилось небольшое облачко пыли, но, к счастью, не с той стороны, в какую поглядывают все в ожидании большой беды. Налетел ветерок, солнце снова выплыло из-за тучи, и приближающееся облако показалось сияющим в его лучах.

Лотер обратил внимание, что почти все заметили, а это значит настороже, постоянно помнят о нависшей угрозе.

– Кто-то из твоих новеньких?

Чародей сказал благожелательно:

– Почему моих? Теперь это ваши. Думаю, амазонка мчится. У нее быстрый конь.

Лотер поинтересовался:

– Надеюсь, с войском? А то нас обещают уничтожить целиком и полностью. Как бы под корень и глыбже.

– Вряд ли с войском, – ответил чародей. – А что за угроза?

– Какой же ты чародей, – сказал Лотер, – если не знаешь?

– Я за вами не слежу, – ответил чародей и уточнил: – Не слежу постоянно. Дел много, так что говорите быстро, у меня много таких же муравьев.

Хранители заговорили было, но чародей остановил жестом, кивнул Каонэль.

– Эльфийка показала себя не по-эльфийски смышленной, несмотря на то что красивая. Говори!

Каонэль поднялась, провела ладонями по корсету, выравнивая складки.

– Два дня тому, – произнесла она ясным голосом, но с заметным волнением, – прибыли люди из племени аягунов. Потребовали отдать им эти земли. А еще нашу Цитадель... ту часть, что мы успели. Иначе всех убьют. Это и есть та внешняя угроза, которая должна сплотить нас?

– Или убьют нас всех, – добавила ихтионка жалобно. – Кто не убежит или не спрячется.

Чародей сдвинул брови, задумался.

– Аягуны?... Даже не слышал. Впрочем, племен много, но редкие становятся народами, а я и народы не все помню, мельтешат, мельтешат... Что-то придумали?

Шерсть на загривке ворга вздыбилась, будто вот-вот кинется в самую гущу невидимого сражения, он прорычал:

– Будем драться!.. Кто как может и как умеет.

Чародей окинул их быстрым взглядом. Могучий гном с тяжелым молотом на плече стоит десятка воинов, как и сам ворг. Да и остальные показали себя как прекрасные и неустрашимые бойцы. Кто грубой силой, кто магией, но дрались бесстрашно.

– Драться, – пробормотал он, – это хорошо... но как-то не совсем правильно...

– Что неправильно? – спросил Лотер в недоумении.

– Что умные, – пояснил чародей, – и что будущие правители мира должны драться, будто простые тупоголовые бойцы, у которых вместо мозгов мускулы.

Тарнат почесал лоб, потом посмотрел под ногти, где остались темные полоски, и буркнул:

– А что, нельзя так, чтобы и мускулы и мозги?

– Можно, – согласился чародей мирно. – Просто я за всю свою жизнь таких не встретил.

Пыльное облачко разрослось, наружу выметнулся всадник на коне цвета горящего костра. Сбруя заблестела серебряными и золотыми искрами, как и широкий обруч на голове всадника, хотя уже угадывается всадница по тонкой гибкой фигуре и пучку таких же красных, как конский хвост, волос.

Все ждали молча, а она шагах в пяти от чародея и Хранителей резко натянула повод. Конь взвился на дыбы и грозно замолотил по воздуху широкими копытами с блестящими стальными подковами.

Амазонка в легких доспехах из кожи, лицо гордое и чуточку надменное, огненно-красные волосы перехвачены на лбу широким стальным обручем с целым рядом изумрудов, очень эффектных на фоне загорелой кожи лица и всего тела.

Чародей улыбнулся: амазонка выказывает умение управлять лошадью, а всадница легко соскочила на землю и сразу поклонилась.

– Приветствую тебя, мудрый и великий чародей.

Голос ее звучал мягко, Теонард в удивлении приподнял бровь, от воительницы ждал чего-то более резкого, а Гнур торопливо пригладил ярко-красный гребень и расправил худые плечи.

Чародей сказал наставительно:

– Вот видите, морды, как надо?.. А вы без всякого почтения. Только и слышу упреки. А у вас осколки пятеро крупнее, чем у нее!

– Потому и подлизывается, – буркнул Виллейн.

– Могли бы, – сказал чародей, повышая голос, – хоть раз спасибо сказать... Приветствую и тебя, Брестида! Эта вот разношерстная и наглая толпа и есть Хранители. Успели собрать осколки чуть раньше, чему безумно гордятся и уже намечтали себе мешки с золотом и толпы рабов.

Амазонка повела в их сторону такими ярко-зелеными глазами, словно светящимися изнутри, что Тарнат охнул и ухватился за сердце, а Лотер ощутил, как вздыбленная на загровке шерсть начала опускаться сама собой.

– Приветствую вас, – произнесла она медленно, ее взгляд скользил по лицам, чувствуется, что чародей ничего о них не рассказывал, да и как мог, если еще не знал, кто соберет осколки. – Я Брестида, старшая конного разъезда западного крыла. Я всего лишь чуть опередила свой отряд, он подъедет чуть позже.

Тарнат торопливо выдвинулся вперед, стараясь, однако, выглядеть неторопливым и важным.

– Я Тарнат, сын Огегайлы и внук Синдуруна, что были сильнейшими воинами своего племени, от них я унаследовал силу, ум и красоту...

– А также скромность, – подсказал Виллейн очень почтительным голосом.

– А также скромность, – согласился Тарнат, не заподозрив ловушки, мелкинд смотрит очень серьезно и даже с почтением. – Потому предлагаю свою защиту и покровительство, красавица.

Брестида мило улыбнулась, показав два ряда хоть и мелких, но безупречных и белых зубов.

– Спасибо, – произнесла она вежливо. – Я уверена, среди Хранителей мне ничто не угрожает.

– Разве что от самого Тарната, – тихохонько сказал Гнур.

Глава 10

Второе облачко пыли, что впятеро шире, приближается так же быстро, вскоре оттуда вынырнули на легких поджарых конях всадницы, Лотер насчитал сорок человек, придержали коней и подъехали уже шагом, в таких же доспехах из кожи, как и Брестида, все одинаково загорелые, изящно сложенные, но с хорошо развитыми плечами и руками.

Брестида сказала победно:

– А это мой отряд!.. Когда королева услышала, что я нашла Талисман, то велела всему отряду сопровождать и оставаться в моем распоряжении.

Лотер окинул амазонок цепким взглядом. Точно не выглядят изнеженными красавицами, лица суровые, плечи широкие, руки в красивых продолговатых мышцах, легкие кожаные доспехи защитят от стрел, а для схватки у амазонок луки и легкие острые сабли.

Ну а быстрые поджарые кони вынесут из любого боя и не дадут себя нагнать...

– Мы счастливы, – сказал он искренне. – Все счастливы... По крайней мере мужчины точно.

– И мы счастливы, – возразила Каонэль, странно улыбаясь. – Теперь нас, женщин, больше. Остальным бояться и ходить на цыпочках!

Чародей приложил ладонь козырьком к глазам.

– Та-ак, а вон и гарпия с горгоной...

– Где? – спросил Лотер и повертел головой. – Не вижу.

– Не туда смотришь, – сказал чародей. – В небе.

Лотер вскинул голову.

– Вон те вороны?.. Если умеют летать, почему не обогнали амазонку?

– Слабые, – пояснил чародей. – И летят медленно, и отдыхать садятся часто. Женщины, чего ты хочешь. Вот тебя бы в гарпии...

Лотер оскалил клыки.

– Но-но с такими шуточками. Гарпии могут быть только женщинами, слышал.

– А горгоной?

– Горгоны тоже, – сказал Лотер. – А вот кентавры только жеребцами. Ни разу не слышал о кентаврихах!

– Они есть, – заверил чародей, – но не покидают жилищ. Что, заинтересовался?.. Ну ты прямо Тарнат какой-то...

Обе темные точки медленно пошли вниз, Лотер рассмотрел две женские фигурки, одна мелковата, как у девочки-подростка, вторая крупная зрелая женщина, крылья могучие, с белыми перьями.

Обе у самой земли на миг задержались с распростертыми крыльями, гарпия первой повернулась ногами к земле и быстро пошла вниз. Белое длинное платье при сопротивлении ветра задралось выше головы, но Лотер едва успел увидеть только белое и совсем не тронутое солнечным загаром тело, как ноги гарпии коснулись земли, а она торопливо одернула платье и прижала его к бедрам.

Горгона опустилась рядом, теперь Лотер наблюдал, как она окажется на земле намного внимательнее, как и вся мужская часть Хранителей. Успели рассмотреть во всех подробностях сочное женское тело, тоже изумительно белое и нежное, словно никогда не видело солнечных лучей, широкие плечи красивой формы, полную зрелую грудь, красивой формы живот и широкие бедра с изумительной кожей, гладкости которой позавидует мрамор.

Она тоже опустила и прижала платье, а Брестида громко сказала:

– Надо ей подарить хотя бы кожаные штаны.

– А я ей пожертвую свой верх, – сказала одна из амазонок.

Брестида сказала строго:

– Замолчи, бесстыдница! Мужчин увидела?..

Крылья гарпии и горгоны сложились за их спинами так, что даже на тени от их фигур не осталось и следа.

Чародей сказал им бодро:

– Аэлло и Эвриала, перед вами те, кому посчастливилось собрать осколки Талисмана первыми!.. Знакомьтесь, общайтесь, ваша сила – в единении! Понимаю, это непросто, но такова суть Талисмана, что вообще-то понятно и правильно, хоть пока и непривычно.

Гарпия и горгона рассматривали Хранителей так же внимательно, как и те новоприбывших. У гарпии волосы белые, распущенные по плечам и чем-то напоминают ихтионьи. Зато у горгоны густые, черные с отливом в синеву, собраны в толстый шар на затылке, откуда свисает еще и роскошный конский хвост до середины спины.

У гарпии в лице то ли озорство, то ли желание сделать кому-то пакость, горгона же выглядит милой и домашней, таким больше всего нравится возиться на кухне и готовить своим мужчинам еду.

Аэлло явно дерзкий и своенравный подросток, избалованный вниманием родителей, которому спускали многое с рук, она и сейчас рассматривает Хранителей с вызовом, словно задумывая проказы, в то время как Эвриала смотрится предельно кроткой и милой женщиной, готовой уступать во всем, только бы не ссориться.

Лотер толкнул Теонарда локтем, указывая взглядом на горгону.

– Эвриала... красивое имя, правда?..

– Аэлло тоже, – ответил Теонард. – Очень... поэтичное, что ли...

– Я в поэзии не разбираюсь, – сообщил Лотер. – Да и в женщинах не очень, они все для меня на одно лицо... но эти двое в самом деле особенные.

Селина незаметно подошла к Эвриале, улыбнулась ей тихохонько.

– Здравствуй... Я слышала, ты была морской девой и жила где-то рядом с волшебным садом Гесперид?

Эвриала кивнула, продолжая с любопытством всматриваться в ихтионку.

– Но ты тоже морская?.. – проговорила она. – У тебя на поясе трезубец. Знающим сразу видно, кто ты и откуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.